

Сергей ЛЕСНОЙ

ИСТОРИЯ РУССОВ

СЛАВЯНЕ
ИЛИ НОРМАННЫ?

Неведомая Русь

Сергей Парамонов

**История руссов.
Славяне или норманны?**

«ВЕЧЕ»

1960

Парамонов С. Я.

История руссов. Славяне или норманны? / С. Я. Парамонов — «ВЕЧЕ», 1960 — (Неведомая Русь)

Вопрос о происхождении русского государства и его культуры, вопрос становления Киевской Руси и возникновения Руси Новгородской, истоки славянской общности, языка и государственности, – вот главные темы, на протяжении многих лет интересовавшие русского эмигранта, биолога-энтомолога Сергея Яковлевича Парамонова (литературный псевдоним Сергей Лесной). В своих работах («Слово о полку Игореве», «Откуда ты, Русь?», «Влесова Книга», «Пересмотр основ истории славян» и др.) он аргументированно, с привлечением многочисленных источников, разоблачает устоявшиеся мифы древней русской истории. Издательство предлагает вниманию читателей первый том самого известного труда С. Лесного «История руссов в неизвращенном виде», изданного в 10 выпусках за собственный счет автором в 1953–1960 гг. В настоящем томе С. Лесной исследует вопросы взаимоотношений Древней Руси с ее соседями – Византией и Скандинавией, истории призвания варягов на Русь и раннего христианства на Руси. Почему новгородцы стали называться «русью»? Была ли княгиня Ольга славянкой? Какие скандинавские имена и названия можно найти в русских летописях? Существовало ли христианство на Руси до Владимира? Когда писалась первая русская летопись? Вот лишь некоторые из вопросов, затрагиваемых автором.

© Парамонов С. Я., 1960

© ВЕЧЕ, 1960

Содержание

Стремление к исторической справедливости	6
Краткие биографические сведения	11
Часть I	21
От автора	21
1. О первой странице истории руссов	24
Первая беседа патриарха Фотия по случаю нашествия россов	31
Вторая беседа патриарха Фотия по случаю нашествия руссов	34
2. О свидетельстве Лиудпранда	41
3. О послах народа «рос» в 839 году	45
4. Константин Багрянородный о названиях днепровских порогов	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сергей Лесной

История руссов. Славяне или норманны?

© Кравцов А.Н., предисловие, 2012

© ООО «Издательский дом «Вече», 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Стремление к исторической справедливости

История борьбы норманизма и антинорманизма может претендовать на отдельное особое исследование. К сожалению, на сегодня нет ни одного очерка, ни одной книги, ни одного обзора, целиком посвященных этой теме. Даже соответствующую библиографию порой найти затруднительно. История же их противостояния уходит своими корнями глубоко в прошлое.

Как известно, еще Михаил Ломоносов на фоне всеобщего восторга идеями норманизма высказывался резко против них. Но мало было еще образованных людей на Руси в тот момент, чтобы прислушаться к его идеям, чтобы поддержать его. По-настоящему образованных. Опять же свое учение почти все они получали в Европе – в Италии (Феофан Прокопович), Франции (Василий Тредиаковский), Германии (Михаил Ломоносов).

Сейчас сложно сказать, когда точно зародилась норманская теория. Известно лишь, что уже к первой половине XVI в. она существовала. При этом считается, что первым антинорманистом был иностранец Зигмунд Герберштейн (1486–1566), который, ознакомившись с содержанием норманской теории, высказал в 1549 г. мысль, что это было не так, что руссы пригласили к себе не германцев, а западных славян. Были и другие иностранцы, высказывавшиеся против норманистов. Но русских антинорманистов, увы, не было, ибо до Петра I русская наука как таковая не существовала. В сущности, настоящий научный спор начался с Ломоносова, но он не решился в его пользу, так как на то были веские причины.

Среди русских исследователей, всерьез увлекавшихся теорией антинорманизма, стремившихся изыскать правду, доказать истинное происхождение Руси-России, видное место занимает ученый с мировым именем, доктор наук Сергей Яковлевич Парамонов, писавший под псевдонимом Сергей Лесной. Так сложилось, что после 1945 г. он проживал за пределами Советской России, и потому его основные труды по истории Древней Руси не были известны широкому читателю на родине. Они были опубликованы большей частью в Париже в 1950—1960-е гг. Интерес к его книгам заметен уже потому, что после 1990 г. в России часть их была переиздана несколько раз. К сожалению, практически все переиздания грешили теми или иными неточностями, опечатками, редакторскими правками оригинального текста, не всегда сохранявшими стилистику и особую манеру изложения С. Я. Парамонова. Лишь в этом, 2011 г., московское издательство «Вече» впервые опубликовало его труд «Русь, откуда ты?» «в ее изначальном виде, без тех сокращений (или даже просто упрощенных пересказов отдельных глав), которые имели место во всех ее российских изданиях последних двух десятилетий»¹. Настоящим изданием работы С. Я. Парамонова (Лесного) «История руссов...» издательство «Вече» продолжает знакомить российского читателя с ученым, «чье наследие нам еще предстоит открыть и понять»². Оригинальное издание вышло в 10 томах небольшими тоненькими книжками в Париже в 1953–1960 гг. С. Я. Парамонов выпускал их в таком виде, так как на каждое издание кропотливо собирал собственные средства и публиковал их за собственный счет. Не имея достаточных доходов, он всякий раз предупреждал в предисловиях к предыдущим томам, что последующие могут и не выйти ввиду стесненности в средствах. Однако каждый тираж с успехом раскупался, что свидетельствует о необычайном интересе к данной теме в среде русского зарубежья тех лет. Издательство «Вече» скомпоновало все 10 авторских выпусков вместе и выпускает их для удобства читателей в виде нескольких томов. Насколько нам известно, это первое издание в России данной книги в научном виде, с предисловиями и комментариями специалистов.

¹ Лесной С. Русь, откуда ты? М., Вече, 2011. С. 4–5.

² Там же. С. 4.

Как пишет в своих статьях в периодике С. Я. Парамонов³, предваряя ими выход своей «Истории руссов», долгое триумфальное шествие норманизма объясняется в первую очередь официальным давлением, опиравшимся на науку и власть, и слабостью антинорманизма, поддерживаемого лишь отдельными лицами и представлявшего собой разношерстную смесь разных теорий. Русская традиция уже к XVI в. утратила понятие о существовании в прошлом Западной Руси, окончательно прекратившей свое существование на острове Рюгене в 1168 г.; связь ее с Восточной Русью была всеми утрачена, ее исторические следы также были утеряны. Поэтому, когда при Петре I в Россию были приглашены ученые немцы, чтобы создать русскую науку, последние уже столкнулись с норманской теорией, исповедовавшейся самими русскими. Приступив к изучению начала русской истории, немцы-академики и профессора, естественно, поддержали своим высоким авторитетом теорию, которая к тому же льстила их национальному чувству. Создался известный стереотип, против которого мог выступать разве только невежда либо заядлый «русский шовинист». Таким образом, норманизм получил высокую апробацию Академии наук. Удивительно ли после этого, что все свои старания новоиспеченные академики направляли на изыскание свежих подкреплений норманизма, лавина которого все нарастала, подавляя инакомыслие. Первый русский историк В. Н. Татищев занял неясную позицию, одновременно принимая славянское происхождение Рюрика и настаивая на том, что «варяги» были главным образом финны из-за Ладожского озера. Карамзин же, увы, был уже не колеблющимся, вполне определенным норманистом. Самые крупные первые исторические труды продолжали распространять в русском просвещенном обществе только идеи норманизма. Анти-норманисты были гораздо слабее и количественно, и качественно. Если бы они были идейно сплочены, то норманизм был бы опрокинут очень скоро, ибо он держался на глиняных ногах. Порой критика норманизма была убийственна. Но норманизм держался потому, что антинорманисты предлагали еще менее вероятные теории. Например, о том, что руссы были гуннами, готами, кельтами, пруссами и т. п. Разумеется, при таком положении дел общество, даже сознавая все недостатки норманизма, не могло стать на сторону совсем уж нелепых теорий.

Было еще одно обстоятельство, заставлявшее русское общество настороженно относиться к славянской теории происхождения Руси. Существовало так называемое движение «славянофилов», течение политическое. Не все могли согласиться с ними, что руссы идут и должны идти своей собственной, едва ли не изолированной дорогой, что европеизация вредна. Словом, к славянской теории происхождения Руси была добавлена политическая теория, которая многими просвещенными людьми не могла быть принята. От нее пахло ретроградством, рабством и невежеством, хотя она и обладала некоторыми положительными чертами.

В начале XX в. русская историческая мысль пришла к следующим выводам: «Для нас было покрыто густой тьмой происхождение Русского государства, и обитатели нашей страны в древние времена – и не только до Р. Х., но и в течение 8 столетий спустя – оставались нам вполне неизвестными. Таким образом, вся история России являлась могучим, ветвистым и пышным деревом – будто без корня. Чтобы дать какое-нибудь начало нашему несомненному существованию, мы придумали полусказочное предание о призвании русским народом трех братьев, будто бы шведов или норманнов, для управления нами, так как мы сами, славяне, себе не умели, дескать, устроить прочного государства. А вместе с тем на почве этой сказки выросло государство не скандинавское, а чисто русское. Ведь это все равно, как если бы мы, не видя корней прекрасного, густолиственного растения, далеко спрятанных в земной глубине, сочли бы цветущим и разрастающимся без корня. Так же невероятно думать, что русский народ окреп и вырос как бы без почвы – благодаря норманно-шведской прививке. Больно, обидно и странно упорствовать в таком мнении»⁴. Но затем настала Первая мировая война, а за ней

³ Лесной С. Кто создал Древнюю Русь, славяне или германцы? Возрождение. № 108. Париж, 1960.

⁴ Мятлева Т. П. Происхождение самобытной русской народности и Россия в стародавние времена до образования Русского

революция. Прошло много лет, пока специалисты смогли вернуться к прерванным исследованиям. Новые советские историки, такие как Греков, Тихомиров, Насонов, Третьяков, Мавродин, Левченко, блестяще доказали, не без помощи археологии, что корни русской культуры совершенно самобытны, что нет оснований говорить о влиянии норманнов. Однако в вопросе о государственности, о династии, возглавлявшей Киевскую Русь, они признавали династию норманнской, но не славянской.

В этом столетии норманнская теория стала еще и краеугольным камнем обоснования превосходства Запада над русским народом, используемого русофобами всех мастей. Многие историки русского зарубежья отмечали пагубность норманизма, возникшего когда-то в угоду политическим целям и вытаскиваемого всякий раз для опять-таки политических целей. Так, например, для обоснования второсортности славянского этноса на эпизод о призвании варягов ссылались и Гитлер, и Геббельс. В то же время, несмотря на крайне неблагоприятные условия для исследовательской работы в зарубежье, в эмиграции появились книги и множество журнальных и газетных статей, в которых различные авторы (Ю. Миролюбов, А. Кур, Н. Ильина, С. Лесной, В. Рязановский) продолжали прежнюю линию в отношении Древней Руси. И здесь следует упомянуть три важных работы.

«Обзор русской культуры» В. А. Рязановского (в 2-х томах. Нью-Йорк, 1947–1948), в одном из разделов которой разбирается положение современного норманизма, критика которого подкреплена новейшими литературными открытиями. В своем письме автору русский философ И. А. Ильин писал: «Прежде всего, спасибо Вам за направление Вашей мысли, которую я вполне разделяю. Давно пора сбросить этот Шлёцеровски-байеровский гипноз, который странно заворожил русских историков»⁵. «Изгнание норманнов» Н. Н. Ильиной (Париж, 1955), которая, безусловно, замечательна своим подбором сведений против норманизма, в пользу славянской теории. «Хотя она и не содержит оригинальных данных, но является тщательным и талантливым подбором фактов, собранных более старыми антинорманистами. Общие же соображения автора местами блестящи», – писал С. Лесной⁶.

И, наконец, «История руссов в неизвращенном виде» С. Лесного (Париж, 1953–1960), где изложение не носит систематического характера. Как уже было сказано, автор постепенно публиковал то, что выяснялось для него окончательно. Даже в первой половине 10-го окончательного выпуска еще не было заявлено положение, завершавшее труд и проблему. Вместе с тем внутренне работа систематична, поскольку излагает факты с постепенным их нарастанием. С одной стороны, подбираются возражения на доводы норманистов и их опровержение. С другой – собираются доказательства того, что «Рюриковичи» были западными славянами. Таким образом, норманнская теория опровергается документальными данными и доказывается справедливость славянской.

В том же «Возрождении» (№ 112, апрель 1961) помещена статья некоего В. Р. «О работе С. Лесного по русской истории». Этот небольшой критический разбор очень интересен потому, что автор пишет как много лестного, так и сурового по отношению к С. Лесному. Хотелось бы его процитировать.

«Недавно вышел десятый и последний выпуск – Истории руссов в неизвращенном виде – С. Лесного. Автор ее С. Лесной (д-р С. Я. Парамонов), естественник по образованию, давно занимается вопросами истории, гл. обр. вопросами древней русской истории. Условия, в которых он работает, не легки. Живет он в Австралии, пишет по-русски, печатает свои работы в Париже (на свой счет из своих заработков) и отыскивает источники почти по всему свету. В предисловии к X выпуску своей Истории руссов автор упоминает о пятнадцатилетней работе.

государства. В 3-х выпусках, 1911.

⁵ *Полторацкий Н. П.* Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение. Hermitage, 1989.

⁶ *Лесной С.* Кто создал Древнюю Русь, славяне или германцы? Возрождение. № 108. Париж, 1960.

Едва ли эта цифра преувеличена... Главный вопрос, который интересует г. Лесного и который он не рассматривает целиком в одном-двух выпусках своей работы, а возвращается к нему почти во всех своих выпусках по разным отдельным вопросам, входящим в его состав, это – спор так наз. историков норманистов с антинорманистами по вопросу происхождения русского государства и его культуры. С. Лесной – яркий антинорманист. Он рассматривает первое русское государство, так наз. Киевскую Русь и его культуру, как создание восточных славян, а не группы выходцев с севера – норманнов. Действительно, так наз. норманская теория происхождения русского государства и его культуры была создана в XVIII в. академиками Байером и Шлёцером и поддержана многими историками и филологами первой половины XIX ст. на основании состояния русской науки того времени. Однако со второй половины XIX ст. с развитием русской истории, филологии, этнографии, географии и нек. др. научных дисциплин эта теория все более теряет почву под ногами... Необходимо отметить, что рецензируемая работа г. Лесного содержит и недостатки. Основным из них мы считаем не мелкие ошибки; некоторые из них сам автор исправляет в последующих выпусках. Главным недостатком мы считаем тон его работы, в особенности в отношении инакомыслящих – тон резкий и местами грубый (см. напр. вып. 5, стр. 537, вып. 7 – 776). Встречаются выражения: стыдно, позорно, легкомысленно. И когда друзья автора обратили его внимание на резкость его тона, он сослался на Ломоносова (7 – 772). Жаль, что автор забывает, что мы живем не в XVIII ст., а двести лет спустя. Манера его обращения с инакомыслящими, а иногда огульно со всеми историками, несомненно может только повредить автору в том общественном мнении, к которому он апеллирует против ученых специалистов (X – 1052). Нападает автор и на метод, которым историки пользуются в своих трудах, но ничего взамен не предлагает, кроме советов, которые одинаково относятся к гуманисту и натуралисту при всяком методе научной работы. Именно, нужна точность, объективность, логика, самодисциплина (9 – 985). Несомненно, История руссов выиграла бы, если бы г. Лесной сам не забывал свой последний совет. Между прочим, сам он в своей работе пользуется историко-сравнительным методом, которым обычно пользуются современные историки.

В заключение можем сказать, что если читатель сможет преодолеть указанные недостатки, он найдет в *Истории руссов*... немало интересного материала по древней русской истории»⁷.

Я позволил себе столь длинную цитату, чтобы со ссылкой на более авторитетного в вопросах истории специалиста снять неким образом с себя ответственность за исторические «измышления», которые нет-нет, да и проскакивают в моих рассуждениях. Пожалуй, стоит согласиться с выводами и мнением В. Р., как в отношении новизны взгляда Лесного, так и касательно его резкого тона. Мне как человеку, далекому от университетской кафедры исторического факультета, оставалось лишь процитировать В. Р. в его отношении к Лесному. На мой взгляд, это достойная характеристика и примечательное анонсирование его труда для любого заинтересованного читателя. Ведь представляемая ныне книга С. Я. Парамонова (Лесного) – попытка сообщить лишь основные вехи этой борьбы и вскрыть причины столь долгого спора, ибо без этих разъяснений читатель будет в недоумении: почему этот спор длился так долго, неужели нельзя было выяснить столь простую истину более своевременно?

В своем же предисловии, абстрагируясь от тональностей Лесного в его книгах и не рассматривая его в качестве специалиста-историка, я именно хотел показать Сергея Яковлевича как человека с трудным и серьезным жизненным опытом, но вместе с тем и как ученого с обширным багажом знаний. Хотел, чтобы он предстал перед вдумчивым читателем, прежде всего, значительной фигурой биолога и дерзкого в своих воззрениях русского патриота, в лучшем смысле этого слова. Буду рад, если мне это удастся.

⁷ В.Р. О работе С. Лесного по русской истории // Возрождение. № 112. Париж, 1961.

* * *

Немного осталось заметок, записей, очерков, так или иначе связанных с именем Сергея Лесного. Не оставил он и мемуаров, воспоминаний. Не до того ему было, много читал, много размышлял, исследовал на тему Древней Руси, писал статьи в периодику, собирал материал для новых публикаций, книг. Именно эмигрантская пресса, а в особенности журнал «Возрождение», постоянным автором которого Лесной был на протяжении 15 лет, дает практически единственный небогатый материал о нем. В этом издании, выходявшем в Париже с 1949 г., и заявленном как литературно-политический журнал, он начал впервые публиковаться как автор не только научных статей. Не осталось также практически никаких иных свидетельств или воспоминаний о нем, воспоминаний его друзей, сослуживцев, единомышленников. Тем любопытнее была работа по поиску таких материалов. Тем интереснее оказались находки.

В 2004 г. в Австралийском национальном университете (г. Канберра) вышла книга об истории так называемого Университетского Дома (University House) – дома, построенного специально для профессорско-преподавательского состава университета.

«На примере пяти постоянных жильцов Университетского Дома – доктора наук, энтомолога Сергея Парамонова; профессора фармакологии Эдриена Альберта (Adrien Albert); доктора наук, математика Курта Малера (Kurt Mahler); писательницы Кристины Стэд (Christina Stead); и доктора наук, физика Маркуса Фоунса (Marcus Faunce), длительное время проживавших в нем, прекрасно проиллюстрирована одна из основных целей создания этого Дома – дать возможность ученым заниматься наукой, освободив их от домашних рутинных хлопот и забот, обеспечить им спокойствие и комфорт для их научной деятельности.

Один из самых ранних жильцов Дома, доктор Сергей Парамонов, был примечательной личностью. Высокий, с густой бородой, он покинул Россию в 1941 г., но все еще продолжал рассказывать о сталинизме. Специалист по летающим насекомым, работавший в Организации по Науке и Исследования Британского Содружества (CSIRO, аналог Академии наук – А.К.) в районе Блэк Маунтин (Black Mountain), он сначала поселился в Хэйвлок Хаусе (Havelock House) на Норсборн Авеню (Northbourne Avenue). А затем, когда открылся Университетский Дом (в 1954 году – А.К.), переехал в одну из здешних квартир. Это место явилось для него одновременно и лабораторией, и домом. У Сергея Яковлевича в то время уже были сложности с передвижением, и секретари из CSIRO приносили ему работу на дом один раз в несколько дней. На своем рабочем столе он постоянно держал микроскоп и экземпляры различных насекомых»⁸.

В Национальном архиве Австралии при деятельном участии историка Елены Говор мне удалось найти личное дело профессора С. Я. Парамонова за номером С77955. Оно содержит несколько любопытных страниц, повествующих нам о жизни и научной деятельности ученого в Австралии. В том числе резюме на английском языке, собственноручно отпечатанное Сергеем Яковлевичем на пишущей машинке.

⁸ Jill Waterhouse. University House. As They Experienced It. History 1954–2004. The ANU, Canberra, 2004.

Краткие биографические сведения

Проф. С. Я. Парамонов

Род. 21.10.1894 в Харькове (Украина). Сын лесника.

В 1912 г. окончил среднюю школу в Аккермане (Бессарабия) и поступил на физико-математический факультет (отделение естественных наук) Киевского университета, который окончил в 1917 г.

Его первые научные публикации состоялись, когда он был студентом, в «Орнитологическом вестнике» в 1915 г. (Первое орнитологическое издание, начало выходить в Петербурге в 1910 г. – А.К.)

Из-за революции эмигрировал в 1918 г., сначала в Бессарабию, и затем жил в Румынии, Германии, Польше и Франции как беженец с нансеновским паспортом. Работал в различных музеях Западной Европы, в особенности по теоретической (систематической) и прикладной энтомологии. Специалист по мухам, семейства двукрылых насекомых, имея универсальные знания по этой теме.

Автор более 100 научных работ в области орнитологии и энтомологии. Автор 7 монографий. Эти работы были опубликованы в Англии, Испании, Франции, Голландии, Германии, Швеции, Швейцарии, Австрии, Польше, России и Украине.

Член Орнитологического общества Киева с 1913 года, Энтомологического общества Киева с 1917, Общества Натуралистов Киева с 1917, Польского Энтомологического общества с 1925, Российского Энтомологического общества с 1925, Немецкого Энтомологического общества с 1929 г.

Его основная научная деятельность проходила в Польше, в г. Познань, где он был поначалу координатором Зоологического музея, а впоследствии хранителем и директором. По обстоятельствам семейного свойства в 1930 г. переехал в Париж, где преподавал зоологию в Русской гимназии и совмещал научную работу с опубликованием статей научно-популярного характера. Во время войны был арестован немцами и провел несколько лет в различных концлагерях (первый – в Бойчене, и последний – в Мюндене). По освобождении Британской армией вернулся в Париж к родным в начале июня 1945 г.

Как специалист по отряду летающих насекомых классифицировал насекомых для Императорского бюро энтомологии, Британского музея и Зоологических музеев Берлина, Гамбурга, Мюнхена, Вены, Варшавы, Познани, Львова, Ленинграда, Москвы, Каира, Тайваня (Формозы) и ряда других. Участвовал в отборной итоговой классификации насекомых для Стокгольмского музея по итогам экспедиции в Среднюю Азию и Китай известного путешественника Свена Гедина (Свен Андерс Гедин (1865–1952) – шведский путешественник, географ, журналист, писатель, график, общественный деятель. – А.К.)

В 1940 г. Академией наук Украины было присвоено звание доктора биологических наук за его монографию о семействе мух-жужжал (*Bombyliidae*). Помимо работы в систематизации двукрылых (*Diptera*), сетчатокрылых (*Neuroptera*) и др. работал в области прикладной энтомологии (особенно ветеринарной и сельскохозяйственной). Его монография об оводах, слепнях (*Gad flies*) была опубликована во Львове на украинском языке в 1940 г. (Парамонов С.Я. Шлункові оводи і боротьба з ними. К.-Львів, 1940. 128 с. – А.К.)

Также он выпустил библиографию работ по этой теме (*Zeitschrift für Angewandte Entomologie*, 1943).

Превосходно владеет русским и украинским. Легко читает и может говорить на французском, польском, немецком. Легко читает статьи по своей ограниченной профессиональной тематике на английском, румынском, итальянском и испанском.

Важность результатов его научных изысканий может быть оценена по упоминаниям его работ в различных научных источниках, как например, работы Е.О. Engelin Zinder. «Die Fliegen der palaarktischen Region, 1932–1936». 25. Fam. Bombyliidae (С. Парамонов ошибся в написании имени автора этого труда, точная библиография и правильное имя – Erwin Lindner. Die Fliegen der Palaarktischen Region. Stuttgart, 1934. – А.К.); а также: Е.Е. Austen. The Bombyliidae of the Palestine. British Museum, 1937; Hess. The Bombyliidae of South Africa. 1939, Annals of the South African Museum (С. Парамонов ошибся в написании имени автора этого труда, правильное имя А.Ж. Hesse. – А.К.).

Автор большого числа научно-популярных статей, опубликованных в газетах и журналах общего характера (не рассчитанных на специальный круг) по-польски, по-украински и по-русски.

С. Я. Парамонов.

Сухой стиль резюме преобразился в литературный, когда мне посчастливилось (опять же с помощью моей доброй знакомой, русского историка Елены Говор, проживающей в Канберре, и, к слову, работающей в том же Национальном университете, в котором занимался наукой профессор Парамонов) разыскать Игоря де Рачевильц. В 1950-е гг. они были дружны с Сергеем Яковлевичем. Господин де Рачевильц, филолог по образованию, согласился написать свои краткие воспоминания о Парамонове, за что я ему искренне признателен. В то время Игорь де Рачевильц учился в аспирантуре и занимался темой монгольской истории времен Чингисхана. Большинство его заметки дублировали вышеприведенное резюме, и потому я эти части пропустил, сосредоточившись лишь на новых для нас моментах.

«Отец Сергея Яковлевича был лесничим, и в детстве он много времени проводил на природе, в лесах Украины и Бессарабии, так что неудивительно, что позже он выбрал себе именно такой псевдоним – Сергей Лесной. Однако, использовал этот псевдоним лишь для публикаций вне науки, вне своего основного занятия. В 1912 году он окончил среднюю школу в Аккермане (Бессарабия) и поступил на физико-математический факультет (отделение естественных наук) Киевского университета, который с успехом окончил в 1917 г.»

Аkkerман (ныне Белгород-Днестровский Одесской области Украины) был основан в 502 г. до н. э. греками – выходцами из Милета. С тех пор здесь находилась крепость, которую в разное время посетили «отец истории» Геродот, понтийский царь Митридат Евпатор, хан Ногай и султан Баязид (Баязет), древнерусские князья Кий, Игорь Старый, Олег, Святослав Игоревич. В ссылке в городе находились знаменитый древнеримский поэт Публий Овидий Назон, сосланный за вольнодумные стихи императором Августом, изгнанный заговорщиками император Византии Юстиниан II. В 1918–1940 гг. город находился под властью Румынии, а с 1941 по 1944 г. – под румынской оккупацией в составе Транснистрии. Как знать, быть может, стены столь древней крепости уже тогда навели молодого Сергея Яковлевича на размышления об истории Древней Руси и ее культуре.

«Из-за октябрьского переворота он вернулся в Бессарабию в 1918-м, а оттуда выехал дальше, и жил в Румынии, Германии, Польше и Франции, имея на руках нансеновский паспорт (документ беженца). Работал в различных музеях Западной Европы, специализируясь в теоретической (систематической) и прикладной энтомологии, в частности по мухам (Diptera) и по семейству двукрылых насекомых (Bombyliidae), в чем он со временем стал общепризнанным мировым авторитетом. В 1930 году он обосновался в Париже, где преподавал зоологию в Русской гимназии. Перед Второй мировой войной вернулся на Украину, где в 1940-м получил докторскую степень в Киевском университете и был принят на работу в Зоологический Институт Украинской Академии Наук в Киеве. В 1943 году он был депортирован в Германию, где содержался в различных концлагерях, сначала в Бойчене (Beutschen) и потом в Мюндене (Munden), откуда освобожден наступающей Британской армией».

В своем резюме, подававшемся, по всей видимости, для приема на работу в CSIRO (Австралийский Совет по Науке и Промышленным Исследованиям – аналог Академии наук), Парамонов почему-то пропустил свое пребывание и работу в Советской Украине, указав, что «основная научная деятельность проходила в г. Познань», куда он в действительности попал лишь в 1943 г., когда нацисты решили перевезти туда уникальную коллекцию киевского Зоологического музея.

Как указано в исторической справке об этом музее, «в Киеве Зоологический музей начал работать в 1919 г. и сразу стал главным хранилищем зоологических коллекций страны. Во время войны из музея было вывезено множество ценных коллекций. Позже, некоторые из них удалось найти. В Познани были найдены и возвращены коллекции птиц и бабочек, в Кенигсберге – насекомых, в Хальсберге – жуков».

Судя по всему, немцы отправили коллекции Зоологического музея АН Украины вместе с ее хранителем, С. Я. Парамоновым, в Познань, где он и находился по 1944 г. Свидетельством его нахождения там, помимо его собственного резюме, – еще и публикация его статьи в немецком научном журнале «Zeitschrift für Angewandte Entomologie» в 1944 г. – Prof. Dr. S.J. Paramonow Die wichtigste Literatur über die Biologie, Bekämpfung, veterinäre und medizinische Bedeutung der Pferdedasselfliegen (Gastrophilus – Arten) Volume 30, Issue 4, pp. 645–660. В статье имеется ссылка на адрес, по которому можно обращаться к автору – Forschungszentrale, Dienststelle Posen, Friedr. Nietzsche Strasse, 2. Таким образом, видно, что в 1944 г. Парамонов все еще находился в Познани, на территории оккупированной Польши. И уже оттуда был заключен в концлагерь. Почему же Сергей Яковлевич пропустил в резюме столь важный факт своей биографии, как пребывание и работу в СССР? По-видимому, на то были свои причины. И прежде всего, потому что работа биолога в Австралии требовала командировок в удаленные территории, которые после войны 1941–1945 гг. часто оказывались под особым военным управлением, засекреченными. Профессор Парамонов элементарно опасался, что его советское прошлое воспрепятствует научной деятельности в Австралии. И к тому есть доказательства в виде переписки между CSIRO и Секретной Службой Австралии (Commonwealth Investigation Service) в декабре 1948 г., касающиеся доступа С. Парамонова в определенные закрытые районы Северных Территорий Австралии. Однако он и не предполагал, что запрос о его персоне был направлен в Британскую разведку, откуда под грифом «Секретно» в июле 1947 года пришел пространный ответ. Да и откуда было ему знать, что практически все иностранцы автоматически попадали под подозрение в тогдашней Австралии. А уж тем более – оказавшиеся так или иначе вовлеченными в недавний мировой конфликт.

Игорь де Рачевильц продолжает свой рассказ: *«Вскоре после освобождения Парамонов выехал в Париж в поисках работы. Уже тогда он был известен CSIRO как ведущий ученый-энтомолог. Они предложили ему работу в Департаменте Энтомологии, и Парамонов прибыл в Австралию 14 марта 1947 года».*

Из немецкого плена Сергей Парамонов переехал в Париж к родному брату Алексею. Затем, уже получив приглашение в Австралию, он сел на морской лайнер «Asturias», ходивший в Австралию из британского Саутхэмптона (Southampton), и через 5–6 недель оказался в Сиднее. Его маршрут проходил через Мальту, Суэцкий канал, Аден и Коломбо, о чем Сергей Яковлевич написал стихотворение «В Индийском океане».

«Поселился в Канберре. Вначале он разместился в Актон Хаусе, затем переехал в Хэйвлок Хаус, а в начале 1950-х – в Университетский Дом, который был удобно расположен, всего в 15 минутах ходьбы от его конторы в CSIRO в Блэк Маунтин. Там он и работал в качестве систематиста, специализируясь на двукрылых насекомых до своего ухода на пенсию, в 1959 г. Однако, и позднее он все еще продолжал трудиться для науки из дома, до самой своей кончины (случившейся из-за отказа почек) в 1967 г. Его научная деятельность в те годы была возможна в большой мере благодаря помощи его ассистентки Сельмы».

То, что я помню из рассказов самого Сергея Яковлевича, его отец умер рано. Но мать жила долго, на Украине, еще до конца 1950-х гг. Парамонов регулярно высылал ей продуктовые посылки через специальную международную службу.

Сергей Яковлевич никогда не был женат и не имел детей. Помимо родных русского и украинского, владел несколькими языками, в том числе немецким, французским, польским и румынским. По прибытии в Австралию, он мог читать по-английски, но его разговорный был очень плохой. Однако, он интенсивно занимался языком и спустя 2–3 года владел им уже свободно.

Кроме увлечения насекомыми, профессор Парамонов был также заядлым орнитологом и частенько уходил гулять с огромным биноклем, чтобы наблюдать за птицам. Однако, фотокамеру использовал крайне редко».

Иллюстрацией к последним строкам могут служить «Заметки натуралиста в Австралии», публиковавшиеся в парижском «Возрождении» в 1963 г. Их стоит прочесть хотя бы затем, чтобы увидеть, с какой нежностью и любовью рассказывает Сергей Яковлевич о птице-флейте, столь распространенной в городах Австралии. На ту же тему он писал, вспоминая своего близкого знакомого, академика Петра Кузьмича Козлова (1863–1935). С Козловым он познакомился в 1922 г., когда находился в Петрограде в командировке от Украинской академии наук, сотрудником которой состоял. Испытывая огромное желание поехать в новую экспедицию в Монголию и Китай вместе с Козловым, Парамонов рассказывает о себе как о кандидате в такую поездку. Перед нами предстает сам рассказчик, Сергей Яковлевич, страстный охотник и в то же время любитель природы: *«Мне было 28 лет, я был охотником, стрелявшим неплохо и дробью, и пулей, был отчасти орнитологом (что особенно интересовало Петра Кузьмича, ибо из всех групп животных он больше всего любил птиц), умел сдирать шкурки с птиц и зверей, знал довольно прилично насекомых и способы их коллекционирования и хранения, имел некоторый опыт в экскурсиях и вообще был квалифицированным зоологом. Я не пил и не курил, что Козлов особенно высоко ценил. Наконец, для добычи научного материала я готов был лезть и в огонь, и в воду. Были и крупные минусы: я не был военным, плохо ездил верхом, не знал местных языков, не отличался особенной физической силой и опыта больших путешествий не имел, наконец, был упрям и умел “показывать зубы”. В ходе подготовки путешествия они сдружились, и в общем, все шло успешно, однако, поехать на Восток Лесному так и не удалось. К сожалению, он внезапно сильно заболел “испанкой” и, разумеется, о таком путешествии уже не мог помышлять в ближайшем будущем»⁹.*

На основании недавно изданных обширных томов «Истории Национальной Академии Наук Украины» (Киев, Наукова Думка, 1993. Киев, НБУВ, 1998. Киев, 2003) можно проследить характер деятельности и годы его научной работы в Советской Украине. В разделе за 1922 г. (Том «1918–1923», с. 341) С. Я. Парамонов числится как специалист Зоологического музея. В 1926 г. он занимался сбором научного материала для Российской академии наук, Московского университета и др. (Том «1924–1928», с. 252). В 1927 г. С. Я. Парамонов в качестве научного сотрудника Зоологического музея отмечен, как выполнивший обработку большого количества материалов, собранных им во время командировки в Армению, а также он явился техническим редактором двух сборников работ музея (Том «1924–1928», с. 375). В 1928 г. Парамонов находился в научной командировке в Берлинском зоологическом музее (Том «1924–1928», с. 504). И в том же году опубликовал 1 монографию и 1 статью (Том «1924–1928», с. 506). В 1930 г. в Академии наук проходила чистка научных рядов, о чем имеется протокол заседания. Под номером 19 в списке лиц не подавших свои трудовые листки и потому чистку не прошедших, указан С. Я. Парамонов (Том «1929–1933», с. 375). Насколько мы знаем, в том году он уже находился в Париже. В марте 1934 г. он вновь появляется в списках

⁹ Лесной С. Академик-путешественник П. К. Козлов. Из личных воспоминаний. Возрождение. № 165. Париж, 1965.

одной из комиссий АН Украины (Том «1934–1937», с. 393). В 1936 г. его утвердили в качестве ответственного редактора печатных материалов по Зоологическому музею (Том «1934–1937», с. 443). Позднее, в том же году, профессора Парамонова назначили главным редактором трехтомника «Фауна Украины» (Том «1934–1937», с. 446). В том же году назначили членом оргбюро по проведению конференции Института зообиологии (Том «1934–1937», с. 452). В 1939 г. проф. Парамонов присутствует на заседаниях Бюро биологических наук АН Украины в качестве заведующего Зоологическим музеем (Том «1938–1941», с. 186). На с. 393–394 того же тома помещена биография С. Я. Парамонова.

Возвращаясь к воспоминаниям Игоря де Рачевильц: *«Вместе с тем он жил и другой жизнью, жизнью писателя под именем Сергей Лесной. В основном он публиковался на тему истории Древней Руси и происхождения Руси. Будучи ярким антинорманистом (т. е. антигерманистом), он выступал против шведской школы норманизма, представленной тогда такими лингвистами, как проф. Б. Коллиндер (Björn Collinder, 1894–1983 – А.К.) из Уппсалы».*

В вышеприведенном отрывке де Рачевильц очень удачно соединил понятие антинорманиста и антигерманиста в лице С. Я. Парамонова. Эта его нетерпимость ко всему германскому, безусловно заметная в его исследованиях и выводах, на мой взгляд, не должна быть отделена от личных переживаний Парамонова, от жизненного опыта, от того, что пришлось ему пережить и претерпеть. Ведь в то же самое время он не был антиевропейцем, он уважал и любил Европу, но место и роль Германии в общеевропейском пространстве воспринимал своеобразно, воспринимал применительно лишь к России, что древней, что современной. В своей работе «Мы и наша древняя история» С. Лесной писал: *«Представление, что Россия по своей культуре страна азиатская или полуазиатская, лишено всяких оснований. История России – это история перемалывания азиатских культур и победоносного шествия культуры европейской в Азию. Носителями и внедрителями этой культуры в соответственной части Азии были и остались только русские. Разница в культуре Запада и России только кажущаяся, и, главным образом, основана на недостаточном знании России Западом. Удаленность, изолированность, громадность России создавали и создают на Западе представление, что Россия так же далека от Запада по сути своей, как Индия или Китай. Это коренная и трагическая ошибка для Запада»¹⁰.*

Не такой уж и ярый антизападник, как может показаться по некоторым его публикациям. Хотя определенная нелюбовь ко всему прогерманскому проявлялась у Парамонова не только в антинорманизме его исторических работ, но и в его прозе. Под псевдонимом С. Лесной он опубликовал «Дорожные встречи» (Париж, 1940) – небольшую книгу из четырех рассказов, соединенных вместе общей темой совместной поездки и общения в дороге: *«Я очень люблю дорожные встречи, особенно в поездах дальнего следования или на пароходах, совершающих продолжительные рейсы: почти каждая поездка приносит мне что-нибудь новое и интересное и оставляла в душе долгий след»* (с. 5). Позднее последовало продолжение данных рассказов – вновь книжка из четырех новелл с общим заголовком «Чертовщина под лысой горой» (Париж, 1952), где его герои вновь вместе едут в поезде и рассказывают любопытные вещи друг другу. Всякий раз сам автор без труда угадывается в одном из попутчиков, и именно по его антигерманскому настроению: *«Ведь, что ни изобрети, а немцы всегда претендуют, что изобрел-то на самом деле немец. Такая уж гениальная нация, между прочим, и по части... кражи изобретений, – не без ехидства заметил энтомолог... А вот в 1935 году один русский ученый, сейчас точно не помню фамилию, кажется Пономарев (столь созвучно Парамонову. – А.К.), напечатал в зоологическом журнале Украинской Академии наук обо всем этом...»* (с. 48) Конечно, на отношение Парамонова к немцам, столь открыто враждебное,

¹⁰ Лесной С. Мы и наша древняя история. Возрождение. № 113. Париж, 1961.

повлияли и личные обстоятельства, и условия войны, как я уже упоминал выше. «О, как я ненавижу войну!» – восклицает его герой в другом рассказе.

В своем приближении России к Европе С. Лесной много исследовал и историю развития других славянских народов, приходя к выводу, что и она была очень часто искажена, и что «в истории других славян немало бед наделано норманистами». Например, по его мнению, это напрямую касается истории Болгарии, о чем он пишет в книге «Пересмотр основ истории славян» (Мельбурн, 1956). В другой статье, о русско-польских отношениях¹¹, С. Лесной, в том числе, обращается к извечному философскому вопросу о характере русской души: «В русском народе есть много отрицательных черт: пьянство, воровство, “матерщина”, как отражение грубости, невежества, бедность и т. д. Но не следует забывать, что эти черты не врожденные, а созданные условиями. Это фаза развития, которую многие западноевропейские народы уже давно прошли, ибо жили в несравненно лучших условиях. Будет величайшей несправдливостью ставить в вину русскому то, что он отстал на 300 лет из-за татарского ига. Разве можно сравнивать свободное развитие западноевропейца и развитие раба под пятой монголов? И разве эти русские не догнали во многих отношениях Европу?..»

Таким образом, видно, что Лесной не является безумным славянофилом в своем упоении Русью, а вдумчиво соотносит уровни и возможности развития народов. И в равной мере любит Европу с ее культурой и развитием, как и Россию с ее своеобразным характером.

«Как ученый он был сторонник теории эволюции, но имел свои возражения по Дарвиновской теории, в частности, по идее выживания сильнейшего. Также интересовался паранормальными явлениями, такими как полтергейст, НЛЮ, сверхспособности человека, и мог многое рассказать об этом».

Его тяга к подобным происшествиям нашла свое отражение в одноименном рассказе в сборнике «Чертовщина под Лысой горой» (Париж, 1952). Хотя произведение – литературное, но стиль и манера изложения напоминают научно-популярные публикации для юношества в советских журналах «Наука и жизнь», «Знание – сила», «Техника – молодежи»: «Верить или не верить? Вот вопрос, который каждый ставит перед собой при столкновении с подобными фактами. Решения пока нет: не доросли. Думается, что первый рассказчик более прав – надо терпеливо ждать и собирать строго проверенные факты, рано или поздно, а кто-то найдет нить Ариадны, которая и выведет из лабиринта. Но как хочется, чтобы это случилось еще при нашей жизни!» (с. 29).

Снова вспоминает Игорь де Рачевильц: «К тому же Парамонов увлекался русскими сказками и сказаниями, народной литературой. В особенности ему нравилась сказка “Конек-Горбунок”, материалы о которой он собирал (также и из России) для нового полного переиздания».

К 130-летию «Конька-Горбунка» С. Лесной пишет статью об этом замечательном произведении: «...наш грех, что мы только читаем “Конька”, но его не изучаем, хотя он заслуживает, как образец, гораздо более внимания, чем некоторые авторы, вошедшие в курс русской литературы... народ любит Иванушку прежде всего потому, что он видит в нем самого себя. Одно имя уже говорит за то, что речь идет тут о чем-то общем, типичном, объединяющем множество. В характеристике действующих лиц в “Коньке” есть порядочно от балагана, намеренного упрощенчества... Особенно хорош язык сказки: яркий, образный, необыкновенно красивый. Ершов орудует им, как совершеннейший артист... Чудесные выражения рассыпаны по всей сказке... Какая яркость, простота и смелость в этом новотворчестве... Как пример – “жароптицево перо”, “уши взагрести берет”, “дело мешкотно творится”, “вдруг приходит дьявол сам, с бородой, и с усам”, “у старинушки три сына”... Ершов писал другие свои произведения, подражая бледному стилю ложноклассицизма. Он не понял своего таланта, он был силен

¹¹ Возрождение. № 116. Париж, август 1961.

своей близостью к народу, только благодаря этому он мог дать такую тонкую, изумительную вещь, которая переживет века. Оторвавшись от народа, Еришов оказался только жалкой посредственностью. И не нашлось никого, кто указал бы ему правильный путь»¹². Лесной намеревался переиздать раннее лубочное издание «Конька-Горбунка», т. к. более поздние редакторские правки, по его мнению, сильно исказили, упростили и чуть ли не уничтожили памятник русской словесности. А его примечания, что «народ любит Иванушку прежде всего потому, что он видит в нем самого себя», так перекликаются с исследованиями по русской сказке В. Я. Проппа и очерком «Иван-дурак» А. Д. Синявского.

«Парамонов любил море и воду, часто проводил летнее время в общественном бассейне Канберры, обучая плаванию детей. Он был хорошим рассказчиком и любил шутку, сам умел подшутить. В последние годы жизни пользовался тростью, т. к. его ноги стали слабы, а он был очень больших габаритов. Был очень радушен и общителен, открыт каждому, всегда готов слушать и помогать, с замечательным чувством юмора и изысканными манерами. Фактически со временем он стал душой общества. У него были друзья в местной украинской диаспоре, но частенько с ними вступал в споры, т. к. не являлся украинским националистом и вообще чуждался любого вида национализма. Был истинным джентльменом старой формации и глубоко уважаем среди его коллег, сотрудников и соседей по Университетскому Дому».

О его открытости и любви к шутке также упоминается и в книге об истории Университетского Дома: *«Парамонова хорошо знали по его шуткам, которые исходили от его хорошего настроения и доброго сердца. Как-то, вернувшись из поездки на Остров Лорда Хоува (Lord Howe Island), он привез с собой редкий экземпляр древесного гриба, и, конечно, пригласил сотрудников к себе домой, чтобы показать его. В том числе, пригласил совсем юных девушек. Когда все собрались у него, то Сергей Яковлевич встретил их словами: “Прошу прощения, но попрошу вас пройти в мою спальню”. Точно зная, что от него невозможно ожидать никакого грубого подвоха, все последовали в темную, с закрытыми ставнями, спальню, где на кровати возвышалась коробка. С большим пиететом Парамонов приподнял верхнюю часть и осторожно вынул оттуда гриб, который ярко светился в кромешной темноте»*¹³.

Об этом времени вспоминает и доктор Ольга Гостина из Университета Южной Австралии: *«...Я была знакома с С. Я. Парамоновым в то время когда училась в аспирантуре в Австралийском национальном университете в 1963–1967 годах. Наше знакомство состоялось довольно банально, когда мы вместе обедали в университетском кампусе и говорили обо всем подряд, за исключением его семьи или его родных, оставшихся на Украине. Вероятно, это было мое упущение не поинтересоваться таковым – мой русский язык тогда был значительно хуже, чем сейчас (в особенности до того, как мы вместе с мужем провели по обмену целый год в МГУ в 1968–1969 гг.). Мы с Сергеем Яковлевичем иногда говорили по-французски, который был моим первым, родным языком. В иных случаях говорили по-русски или на ломаном английском. После того обеда, когда мы познакомились, раз в неделю или около того Сергей Яковлевич приглашал меня к себе в комнату (он жил рядом, в Университетском Доме. – А.К.) и мы очень интересно беседовали. Он обладал удивительными знаниями в биологии, зоологии, рассказывал о насекомых и показывал некоторые новенькие экземпляры. Иногда он также играл мне на пианино, которое находилось в его комнате, что-то пел... К сожалению, я не знала тогда так хорошо русский и украинский фольклор, чтобы оценить его пение» (из переписки с О. Гостиной, перевод с английского А.К.).*

Чрезвычайная разносторонность, интерес ко многим аспектам жизни, литературы, творчества, общения характеризовали Сергея Яковлевича. Помимо научных работ на иностранных языках он писал и по-русски, и публиковался в русской периодике Зарубежья, с изло-

¹² Возрождение. № 153. Париж, сентябрь 1964.

¹³ Jill Waterhouse. University House. As They Experienced It. History 1954–2004. The ANU, Canberra, 2004. Chapter 18. p. 212.

жением для читателя разумного, но мало подготовленного, с уклоном в научно-популярный стиль («Эволюция в биологии и ее суть»). Интересовали его и проблемы русского языкознания, лингвистики, о чем он также неоднократно высказывался («Бедный русский язык», «К юбилею Демьяна Бедного», «Из забытых рассказов И. Ф. Горбунова»). Также он говорил о языкознании и развитии речи у детей (на примере книги К. Чуковского «От двух до пяти»): *«Детские неологизмы имеют право не только на существование, но это обогащение русского языка. И к тому же поощрительная детская инициатива, призванная служить к их всестороннему развитию».*

Вкратце коснусь и поэзии С. Лесного. Он выпустил только две тоненькие книжки своей лирики (по 60 с. в каждой). В лучших традициях Фета, Тютчева, Есенина любит он окружающую красотой природы, легкими дуновениями ветерка, колыханием травы, изгибами рек и прозрачностью озер. Благодаря многочисленным переездам, командировкам и биологическим изысканиям он проехал от Коломбо до Вологды и от Кушки (в Туркмении) до Геттингена. И всюду в качестве зарисовок он лирически воспроизводил местность, находил в ней особенные узоры и характер. Вел душевные беседы. («Учись у них – у дуба, у березы». А. А. Фет.) Особенно много стихов в сборнике «Песни природы» (Париж, 1948) посвящены родной Бессарабии, где он вырос («Забылось все, как в ярком детском сне»), где заканчивал школу, и куда после университета приехал первым делом.

Спокойны чувства. Сердце спит.
Мне ничего не жаль.
Кругом сосновый лес шумит.
Ушла моя печаль...
(У опушки леса)

Здесь, в жилие, мне тяжело, тесно.
Степь родная, где ты?
Неужели воли песни
До конца пропеты?
(Степь)

Но и в новой, не знакомой его взгляду природе Лесной находил своеобразие и очарование. Достаточно прочесть его воспоминание о трех поездках в Армению, о пустыне Кара-Кум или о зимней Вологодчине:

Ветвями длинными поникли до земли
Под снега тяжестью раскидистые ели
И думают в тиши. И алые клесты
На них, ища семян, веселой стайкой сели.
(Зима)

Даже своим постоянным научным спутникам – двукрылым мухам – он посвятил стихотворение, в котором виден его восторг, его радость общения с ними («А я гляжу на вас с счастливою душой, О дети воздуха и солнца!»). Беспокойный буйный нрав исследователя, путешественника отмечали его знакомые и друзья. Сам он об этом так говорит в стихотворении «Буря»:

Не укрыться в заливе я буду искать, —
А хочу поразмять свои силы.

Брось же, море, сюда своих воинов рать,
Двинь ко мне твои, буря, порывы!

Не правда ли напоминает тютчевское «И море, и буря качали наш челн»? А свои исторические изыскания С. Лесной невольно выражает в стихотворении «В пустыне Кара-Кум»:

И весь охвачен я стремлением к познанию.
Крупницу истины так хочется найти!
Что принесет она? Что даст для пониманья
Нам свыше данного откуда-то пути?..

И хотя он понимал, что «не каждый человек, владеющий литературным слогом, является писателем, – писатель тот, кто еще вдобавок видит, чувствует и понимает больше, чем толпа, он ей показывает, он ей разъясняет, это он своим талантом стоит выше толпы головой. Если бы это было иначе, то Горьких и Толстых нанимали бы на бирже труда» («Чертовщина под Лысой горой»), тем не менее он писал и поэзию, и прозу, и очерки. Писал искренне, и именно этой естественностью и искренностью своей столь интересен и своеобразен:

Пусть скромн голос мой, мне нечего стыдиться,
Средь истинных певцов хоть выступаю я, —
В симфонии лесной и голос воробья
Какой-то ноткою наверно пригодится.

«Лесной был метким, нередко страстным полемистом. В далекой Австралии, в благоустроенном бунгало, среди экзотических птиц, летающих в саду на свободе, и сказочной красоты диких цветов, жил человек, корнями своими оставшийся в России далекого прошлого. Молодым ученым он объездил российскую глушь, знал и устье Днестра, и Уральские ущелья»¹⁴.

Под конец жизни, уже, казалось бы, завершив свой основной труд «Историю руссов в неизвращенном виде», Сергей Лесной не ослабевал натиск на норманистов, и продолжал публиковать статьи к обсуждению тех или иных аспектов своей теории и своих выводов. В основном публиковался в многократно упоминавшемся журнале «Возрождение», выходившем в Париже под ред. князя С. С. Оболенского и Я. Н. Горбова. Порядка 30 статей удалось обнаружить в данном издании на указанную тему. Выходили его материалы и в австралийской русской периодике. Скажем, в журнале «Богатыри» (под ред. Г. А. Кизило. Сидней, 1955). И, разумеется, в издании «Жар-птица» (под ред. Ю. П. Миролюбова, Сан-Франциско, 1947–1968). В 1952 г., незадолго до эмиграции в США, Миролюбов сообщил об обнаружении «древних дощечек», названных впоследствии «Влесовой книгой», ее первую публикацию он вместе с Ал. Куром осуществил в 1953–1957 гг. Большинство исследователей из числа тех, которые считают «Влесову книгу» подложной, приписывают её авторство именно Миролюбову. Лесной неоднократно вступал с Ал. Куром в дискуссию по «Влесовой книге» и ее расшифровке. И именно на страницах «Жар-птицы». Писавший под псевдонимом Ал. Кур – Александр Александрович Куренков (1891–1971) – историк-этимолог, также увлекавшийся языкознанием и владевший древними языками, был деятельным участником различных антикоммунистических и монархических ассоциаций, издателем-редактором газеты «Вестник правды» (Сан-Франциско, 1963–1968). Доктор психологии (1947) и георгиевский кавалер, он стал известен в русском зарубежье именно благодаря своим публикациям на тему «Влесовой книги».

¹⁴ О. де Клапье. Памяти Лесного. Возрождение. № 193. Париж, январь 1968.

И несомненно Парамонов продолжал бы «сражаться» на тему норманизма в русской истории. И наверняка закончил бы свою книгу по истории других славянских народов. Но, к сожалению, здоровье уже не позволяло.

«Единственный брат С.Я. Парамонова жил в Лондоне и потому не было никого из родных в Канберре, кто мог бы о нем позаботиться. К концу его жизни, когда пребывание в больнице стало для ученого привычным, директор Университетского Дома Дэйл Трендэлл (Dale Trendall), и особенно, его секретарь Мауса Педерсон (Mousa Pederson), работники дома и ученые-коллеги часто навещали Парамонова и присматривали за ним. Однако, г-н Трендэлл был против, чтобы Парамонов скончался в Университетском Доме. Сам же Сергей Яковлевич не хотел умирать в больнице. Компромисс явился сам собой, когда Парамонов впал в кому и был перевезен в местную столичную больницу неподалеку»¹⁵.

Как вспоминают его друзья, С.Я. Парамонов не был религиозным человеком, но время от времени посещал и поддерживал материально Украинскую (православную) автокефальную церковь, т. к., по его мнению, именно она являлась наиболее близкой по традициям и языку к древней славянской культуре. В частности, в свое время он пожертвовал средства на строительство местной украинской церкви в Канберре и, потому, когда он скончался 22 сентября 1967 г., отпевание по нему проходило именно в этой церкви. Профессор Сергей Яковлевич Парамонов (Лесной) был погребен 26 сентября на местном кладбище Воден (Woden Cemetery) на участке под номером AN/H/V/308.

Соглашусь с О. де Клапье, которая в некрологе по С. Я. Парамонову писала: *«Лучшим венком на его могилу будет внимание русских читателей к его трудам».*

И закончить свою публикацию хотел бы словами самого Сергея Яковлевича, характеризующими его философский взгляд как на историю, так и день сегодняшний.

«Недоучитывание прошлого – это чрезвычайно частая, но вместе с тем и грубая ошибка. Мы все живем больше будущим, всегда в устремлении к “завтра”, даже не используя, как следует, наше “сегодня”. Наше же “вчера” отходит быстро в тень, а то и вовсе исчезает. Между тем каждое “сегодня” есть только следствие “вчера” и причина “завтра”.

В этой непрерывной цепи каждое «сегодня» есть сумма тысяч и тысяч “вчера”, сумма труда и жизни многих поколений. Никакое “вчера” не исчезает бесследно, оно ступень к настоящему “сегодня”»¹⁶.

Андрей Кравицов.

¹⁵ Jill Waterhouse. University House. As They Experienced It. History 1954–2004. The ANU, Canberra, 2004. Chapter 18. p. 212.

¹⁶ Лесной С. Мы и наша древняя история. Возрождение. № 113. Париж, май 1961.

Часть I

От автора

Данный труд является не только попыткой переоценки истории древних «руссов», не только призывом к усиленной работе в этой запущенной историками области, но и апелляцией к общественному мнению.

Автор указывает на необходимость справедливости в отношении наших предков; не найдя ее у историков, он предлагает на суд общества ряд фактов и соображений, показывающих, что историки извратили наше прошлое.

Как во всяком разбирательстве, первое место прежде всего фактам, а не чувствам. Да не посетует читатель, если он столкнется с длинными цитатами или пересказом греческих, латинских или иных авторов.

Это необходимо не только для доказательности наших выводов, но и потому, что многое появляется впервые в книге, написанной по-русски, до сих же пор оно являлось достоянием иностранных и большей частью редких книг.

Мы старались по мере возможности всюду использовать первоисточники, т. е. представить на суд факты, а не домыслы историков, – если кого-то обвинять, то надо иметь достаточно солидные основания.

Да не подумает читатель, что рассмотрение чего-то, что случилось тысячу и более лет тому назад, не имеет цены, наоборот, – если люди не находят в себе достаточно объективности, правды в отношении того, что было 1000 лет тому назад, что мы можем ожидать от них в оценке недавнего прошлого или современных событий?

Таким образом, подобный анализ является пробным камнем для историков. Спор о том, что представляла Древняя Русь, это не академический, далекий от жизни спор, – это испытание доброкачественности работы известной группы лиц, которым общество доверило специальную отрасль знания. Вместе с тем это и указание на гражданское лицо этой группы. Иначе говоря, разбор дела вскрывает их лицо не только как профессиональных работников, но и их моральный облик как граждан.

Перед историками были факты истории, они судили их, и, мы увидим ниже, что это был «Шемякин суд». Да не поймут нас неверно, что, мол, мы огульно обвиняем всех историков, – это не так, среди них было довольно много и таких, которые в разных местах, и давно, и в нынешнее время высказывали совершенно правильные мысли, но верно также и то, что мы учили, учим и, вероятно, еще долго будем учить не историю, а бредни, навязанные нам основоположниками нашей истории шовинистами-немцами, либо католическующими ренегатами, либо людьми, «верноподданнически» интересующимися прежде всего своим личным благосостоянием.

Наша древняя история – это кривое зеркало прошлого, обязанное своим существованием прежде всего угодничеству перед сильными мира сего. Неужели даже через 1000 лет нельзя сказать правды?

В этом труде мною горьких упреков и обидных слов по адресу историков. Да не подумает читатель, что это результат каких-то личных столкновений с историками, что, мол, кто-то из них наступил нам на любимую мозоль, и мы сводим счеты.

За всю нашу достаточно продолжительную жизнь мы не имели стычек с историками уже в силу нашей специальности натуралиста, а с единственным историком, с которым мы «поцарапались», у нас такие отношения, что он правил даже корректуру нашей статьи, направленной против него же.

Наоборот, именно потому, что у нас нет никаких личных отношений с историками, мы и имеем возможность высказать свое откровенное и неллицеприятное мнение.

Мы заранее предвидим возражение: что, мол, понимает натуралист в нашем деле? Ответом будет материал этой работы: большинство фактов было известно историкам, а как они их осветили?

Если мы решаемся выступить против целой корпорации, упрекая ее в ложности метода исследования, то не только потому, что убеждены в силе наших доводов, но и потому, что в оценке историков находим огромной силы союзника. Этот союзник – Н. В. Гоголь.

Никто не может отрицать, что Гоголь был не только глубоким аналитиком, т. е. умел разлагать факты на тончайшие детали, но и блестящим синтетиком, – он умел из груды мелочей выбрать немногое, но такое, что отражало все единство их в самой краткой и совершенной форме. Он умел находить «квинтэссенцию».

В нашей работе мы показываем ложность метода историков, работающих большей частью под влиянием «вдохновения», а отсюда, как результат, легковесность и ошибочность их выводов.

Это же самое необыкновенно выпукло показано Гоголем в «Мертвых душах». Мы позволим себе привести отрывок, касающийся «дамы, приятной во всех отношениях».

«Она не умела лгать: предположить что-нибудь, – это другое дело, но и то в таком случае, когда предположение основывалось на внутреннем убеждении; если ж было почувствовано внутреннее убеждение, тогда умела она постоять за себя, и попробовал бы какой-нибудь дока-адвокат, славящийся даром побеждать чужие мнения, попробовал бы он состязаться здесь, увидел бы он, что значит, внутреннее убеждение. (Поэтому-то автор и обращается с этой работой не столько к историкам, сколько к публике. – С.Л.)

Что обе дамы наконец решительно убедились в том, что прежде предположили только как одно предположение, в этом нет ничего необыкновенного.

Наша братия, народ умный, как мы называем себя, поступает почти так же, и доказательством служат наши ученые рассуждения.

Сперва ученый подъезжает в них необыкновенным подлезом, начинает робко, умеренно, начинает самым смиренным запросом: не оттуда ли? не из того ли угла получила имя такая-то страна? Или: не принадлежит ли этот документ к другому, позднему времени? Или: не нужно ли под этим народом разуметь вот какой народ?

Цитирует немедленно тех и других древних писателей и чуть только видит какой-нибудь намек или, просто, показалось ему намеком, – уж он получает рысь и бодрится, разговаривает с древними писателями запросто, задает им вопросы и сам даже отвечает за них, позабывая вовсе о том, что начал робкими предположениями: ему уже кажется, что он это видит, что это ясно – рассуждение заключено словами: так вот какой народ нужно разуметь, так вот с какой точки нужно смотреть на предмет! Потом во всеуслышание с кафедры, – и новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников».

Увы! Ирония, даже сарказм Гоголя оказались втуне: и по сей день метод рассуждения историков совпадает с методом рассуждения «дамы, приятной во всех отношениях». Их метод – это метод оценки всего под углом «внутреннего убеждения». Перед ними лежат безукоризненные документы эпохи, гласящие противное, но... тем хуже для фактов.

Не следует забывать, что Гоголь был не только гениальным писателем, но и что-то понимал в истории, – ведь он преподавал историю в Петербургском университете. Значит, если он и не знал истории до тонкостей, то во всяком случае узнал историков. Самое замечательное то, что в приведенном отрывке, в вопросах, совершенно ясно чувствуется, что Гоголь имеет в виду именно спор о происхождении Руси.

Остается еще сказать, почему мы назвали нашу работу «Историей руссов», а не «Историей России» или «Историей домонгольской Руси» и т. д. Потому, что на этот период претендуют три народа: русский, украинский и белорусский. «Руссы» же были ни теми, ни другими, ни третьими, они были предками указанных народов, поэтому мы и оставляем за ними их особое имя.

Мы в одинаковой степени не можем принять, например, Владимира Великого в образе субъекта в лаптях, с жиденькой бородкой, говорящего: «Таперича, апосля того, как мы ахрестимшишь, магем и щей похлябать!», либо в образе здорового чернявого казака в широченных шароварах и с «таблюкою» сбоку, говорящего: «Хай их мама мордуе, такы охрестывся, давай, Горпыно, варэнькив!»

Если так трактовать историю, то можно утверждать, что итальянский император Нерон сжег Рим или что израильский президент Соломон построил в древности замечательный храм. Искажать правильную перспективу истории нельзя.

Мы сделали попытку подойти к решению многих вопросов без религиозных, национальных, политических или иных предубеждений, мы стремились только найти достоверные факты и логически, беспристрастно оценить их.

Чтобы обеспечить труд от всякого давления со стороны и сделать его совершенно независимым, мы предпочли опубликовать его на собственные средства.

Конечно, его опубликование не принесет нам ни славы, ни денег (ибо выпуск книжки таким малым тиражом – чистый убыток), но мы делаем это из основного, самого дорогого в нашей жизни стремления – стремления к правде и прежде всего к научной истине.

Разумеется, этим выпуском автор не может исчерпать даже основных фактов в правильном освещении, автор надеется осветить их в дальнейших выпусках, появление на свет которых будет в значительной мере зависеть от того, как примет читатель предлагаемый выпуск.

1. О первой странице истории руссов

Первый русский летописец, опираясь на чрезвычайно скудные сведения греческих источников, все же был прав, приняв первый поход «руссов» на Царьград за исходный пункт русской истории.

Именно с этого момента «начая прозывати», т. е. стала известна Русь, как государство большого значения; на арене мировой истории появился новый фактор.

Первая страница русской истории является в то же время страницей несмываемого позора русской исторической науки. Последняя существует уже почти 200 лет, но до сих пор ее первая, исходная, особо важная страница не только не изучена достаточно, но представлена широким массам в совершенно извращенном виде.

До сих пор не установлено точно, состоялся ли поход в 860 или в 865 году, или эти обе даты, принимаемые самыми авторитетными историками, неверны. Не установлено, нападали ли на Царьград славяне Киевской Руси, или разбойники-норманны. Не выяснено, были ли Аскольд и Дир вождями этого похода, или их имена приурочены к походу только народным преданием, на деле же вождями были другие лица. Не доказано, окончательно была ли Русь разгромлена, как об этом говорят русские летописи, или, наоборот, Русь вернулась с триумфом, как дословно утверждают иностранные источники.

Остаются туманными и другие подробности этого замечательного похода, хотя и сохраненные различными источниками, но критически не сопоставленные.

Если бы у нас не было точных, надежных исторических данных, то мы, конечно, вынуждены были бы ограничиться сведениями полулегендарного, а частично безусловно ошибочного характера, находящимися в русской летописи.

На деле это не так – мы имеем совершенно точные сведения, что события похода имели вовсе иное течение, сам он носил иной характер, и анализ событий приводит к заключениям, коренным образом отличающимся от выводов наших официальных историков.

Все историки изображают поход руссов на Царьград, как разбойничий набег скандинавов из Киева под руководством Аскольда и Дира (об уклоняющихся взглядах, представленных незначительным меньшинством, мы здесь не говорим). Это перешло во все учебники, начиная с низшей и кончая высшей школой. То же (что особенно важно) мы находим и во всех иностранных источниках.

Если мы откроем, например, «Encyclopaedia Britannica», то найдем, что в 865 году состоялась «первая грабительская экспедиция» («the first pillage expedition») руссов на Византию. Никто из наших историков против подобных утверждений не возражал, не протестовал, и, следовательно, всякий солидаризировался с ними. Если и раздавались отдельные слабые голоса против, то они тонули в общей массе, исповедовавшей тезис грабительского нападения. На деле же против этого тезиса надо было не только возражать, спорить, но и протестовать и даже более – бунтовать.

Речь идет не о каком-либо пустяке, а об основе русской государственности, речь идет не о каком-то спорном предмете, на который один может смотреть так, а другой иначе.

Ведь в действительности было нечто совершенно иное: **не разбойничья шайка норманнов явилась внезапно под стены Царьграда для грабежа, а организованная государственная сила руссов-славян, чтобы заставить уважать свои пограничные права международного характера.**

Руссы явились отомстить за смерть своих соплеменников, убитых из-за грошового денежного дела, и за то что их справедливые требования о наказании виновников-греков не были удовлетворены.

Поэтому-то они и явились под стены столицы, т. е. отомстить именно тем, кто был виноват в злодеянии. Если бы дело шло просто о грабеже, то проще, легче и безопаснее было бы напасть на греческое побережье, а не на столицу империи.

Поэтому-то руссы, как мстители, и проявили невероятную жестокость, уничтожая все живое и разрушая и сжигая все, что только можно было истребить.

Мы отнюдь не собираемся изображать наших предков в роли рыцарей без страха и упрека, и полагаем, что при организации этой карательной экспедиции соображения о грабеже играли немалую роль, однако все свидетельствует в пользу того, что поход имел своей главной целью месть.

Не получая законного удовлетворения, руссы решили получить его силой сами. И получили, да еще в какой мере!

Они нанесли грекам колоссальный урон людьми и всяческим добром (подробности дальше), они привели Царьград в состояние полнейшей паники, когда жители его до того растерялись, что не думали уже о защите, а только молились; они внушили грекам страх и заставили с собой впредь считаться.

Так как это была месть, карательная экспедиция, а не война, то руссы и удалились без всякой видимой причины, решив, очевидно, что показательный урок грекам достаточно хорош.

Все это мы узнаем из **греческих источников**, которые, естественно, имели тенденцию выставить **себя** в лучшем свете. Если же свидетельство их в пользу руссов, значит, устами их гласит сама истина.

Имеется обстоятельство, придающее особую ценность греческим сведениям: они сообщены патриархом Фотием, вторым после императора лицом в Византии, очевидцем событий и осведомленным обо всем, разумеется, самым лучшим образом, ибо в отсутствие императора был самым главным лицом в Царьграде.

Таким образом, мы имеем дело с весьма редким в истории случаем, когда данные сообщаются известным, чрезвычайно авторитетным лицом и к тому же ученым, прямо из первых рук, очевидцем событий и в весьма скором времени после окончания их. Некоторые сведения сообщались буквально в момент действия, ибо речи Фотия были частью совершавшихся событий.

Такой источник сведений является едва ли не единственным, ибо большинство хроник и летописей – передача сведений неизвестных лиц через вторые и третьи руки. Имея такой золотой материал, русские историки, казалось бы, должны были использовать его самым тщательным образом, и всесторонне. Что же они сделали?

Вместо того, чтобы взять эти сведения в основу, дополнить их из других источников, проверить, подвергнуть перекрестному допросу и т. д., – они взяли в основу данные русского летописца.

Но эти данные представляют собой почти слово в слово переписанное известие из продолжателя хроники Георгия Амартола, известие крайне краткое и полуфантастическое, написанное к тому же значительно позже происшедших событий.

Нам понятен первый русский монах-летописец, выписавший из греческого источника все, что он только мог найти о походе руссов на Царьград, но нам вовсе непонятны соображения дальнейших русских историков, отбросивших в сторону гораздо более полные, точные и авторитетные сведения **о том же** событии.

Вышло так, как будто историческая наука приблизительно с 1114 года, когда писалась летопись, не сделала решительно никаких успехов, а между тем источник сведений был доступен уже в печатном виде по крайней мере с 1860 года, когда он был опубликован в переводе на латинский язык. В 1864 году появился перевод с греческого на русский, затем в 1870 и 1894 годах вышли в свет работы, бросающие дополнительный свет на события. Все эти труды, однако, не возымели действия.

Русские историки, по-видимому, вовсе не интересовались тем, что сохранила история в источниках **других** народов о руссах. Казалось бы, видя бедность, подчас чрезвычайную тенденциозность русской летописи, следовало узнать истину из чужеземных источников, этим пренебрегли.

Такая методика наших историков совершенно непростительна, более того – возмутительна. Если упускать из виду **первоисточники** безукоризненной ценности, опубликованные почти 90 лет назад, если быть глухим к голосу логики, звучащему из огромного количества достоверных источников, то лучше оставить университетскую кафедру и пойти по иному пути, где не требуется никакой ответственности и где личная блажь пользуется достаточным почетом.

При всем нашем желании, мы не можем найти даже тени оправдания такой непростибельной небрежности. Конечно, в мелочах каждый может ошибаться, но извратить, оплевать начало нашей истории дано только нашим профессиональным историкам.

Допустим, однако, что Иловайские, Платоновы, Ключевские и т. д. как-то «обмишурились», но что же делали другие историки? Ведь если они знали о свидетельстве Фотия, то почему они не подчеркнули, что версия русской летописи совершенно не соответствует действительности? Ведь поход окончился триумфом, а не разгромом. Если в продолжателе хроники Георгия Амартола мы не находим ни слова о причине нападения руссов на Царьград, то у Фотия мы находим совершенно ясное объяснение: руссы (очевидно, купцы или наемные рабочие-молотильщики хлеба) были должны грекам какую-то мелочь, то ли во время спора (надо полагать), то ли по приказанию императора (на это имеются намеки), а руссы частью были убиты, а частью обращены в рабство за неплатеж долгов. В дальнейшем греки отказались наказать виновников и уплатить материальное вознаграждение (как это полагалось согласно договорам Руси с Византией). На руссов греки посмотрели свысока: стоит ли, мол, считаться с какими-то варварами. Это вызвало карательный поход на Царьград со стороны руссов.

Допустим, что историкам эти обстоятельства не были известны по первоисточникам греческим и латинским (спрашивается: кому же их читать?), но ведь они все это могли легко найти у Иловайского, давшего довольно подробное описание похода руссов на Царьград.

Историки наши поверили не Фотию, а заграничным норманистам, рассматривающим поход, как акцию разбойников-норманнов или (в крайнем случае), как акцию киевских норманнов, подбивших Русь на грабительский поход. Поверили, потому что были особые причины изображать войну двух государств, хотя и кратковременную, как разбойничий налет.

Основных причин две. Первая: ложный метод, употребляемый в истории, позволяющий безнаказанно делать ошибки, высказывать нелепые предположения, возможное считать за доказанное и т. д.

В ряде дальнейших очерков мы покажем много примеров полной беспомощности историков в решении элементарных задач логики, невероятной рассеянности, твердой уверенности, что без ошибок работать нельзя, а главное – личного произвола и фантазии.

Здесь не место входить в рассмотрение ошибок и характеристики метода историков, скажем только, что в науках естественных применение его невозможно, – через самое короткое время представители такого метода были бы просто выброшены из среды ученых натуралистов.

Вторая причина: необыкновенная податливость в отношении сильных мира сего. О «суде» истории говорить нельзя, ибо принцип судей: «чего изволите?» Все в нашей истории, как мы увидим в дальнейшем, именно в ее толковании, делалось прежде всего под влиянием политических соображений, о беспристрастности даже заикаться нельзя. Историю «делали», выдергивая из ее архивов желаемые факты и создавая картину, которая требовалась заказчиком. Словом, как на портрете у московского купца, который требовал от художника, чтобы на его портрете «en face» у него был «римский профиль».

Эти две причины создавали узость мышления, выйти из рамок принятого, даже под влиянием новых фактов, они не были в состоянии. В результате наши историки никак не могли поверить, что к моменту появления Руси на страницах всеобщей истории Киевская Русь представляла собой довольно мощное государство, не постеснявшееся защищать силой свои права в отношении самого могучего государства той эпохи и области Европы – Византии.

Вот что, однако, писал Иловайский по поводу набега руссов: «Только новому императору, Василию Македонянину, который в следующем 867 году воцарился на месте убитого им Михаила III, удалось богатыми дарами из золота и серебра и шелковых тканей склонить русских вождей к миру и возобновить с ними торговые договоры».

Заметьте: «возобновить торговые договоры», – значит, они существовали еще **до похода на Царьград**, именно их-то и нарушили греки, именно на них-то и базируются дошедшие, к счастью, до нас договоры Олега и Игоря с греками, постоянно ссылающиеся на «еже есть прежде уставлено».

Все это не выдумка Иловайского, а заимствовано из греческих источников, переведенных на латинский язык еще в 1838 году («*De Michaele Theophili filio*», «*De Basilio Macedone*»).

Однако сила предубеждения, косность, методологическая беспомощность, недомыслие, переходящее прямо-таки в тупость, были настолько сильны, что всем этим твердым историческим данным (как и многим другим) не придали никакого значения, даже не задумались над ними. По-прежнему верили, что напали на Царьград скандинавы, что руссы, может быть, только частично принимали участие в разбойничьем набеге, что император Византии посылал богатые дары, чтобы только склонить разбойничью шайку к миру!..

Не только среди историков, но и вообще среди русских культурных людей не нашлось никого, кто сказал бы: «Послушайте, – врете, но не завярайтесь!»

В результате начало нашей писанной истории извращено, чужим народам приписано то, что принадлежит нам. Так называемые патриоты «матушки России» оказались в плену идей германских ученых, подтверждая тем постулат последних, что славяне вообще «народ неисторический», быдло, существующее для уваживания почвы для других, более высших народов (подразумевается германских). Какое лакейство мысли, какая рептильная психология и, главное, какое **ученое** недоумие!

Отдав должное в оценке не только ученой, но и гражданской деятельности наших историков, оставив в стороне связанную с этим горечь досады, извинившись перед читателем за, может быть, слишком резкие выражения («*dixi et animam laevavi!*» – «я сказал и облежил душу», лат.), – обратимся к рассмотрению того, какова же была первая страница русской истории в действительности и в чем заключаются ошибки принимаемой почти всеми до сих пор концепции.

Текст русского перевода продолжателя хроники Георгия Амартола гласит: «Царь же на агаряны изыде, воеват Оорифанта в Констянтине граде оставивъ. Дошедшу же ему Чръныя реки глаголемы, и се абие вестъ ему епарха посла, **яко Русь на Констянтин град идут, Аскольд и Дир** и тем царь прочь не иде. Русь же, внутрь суда вшедше, много убийство христианом створиша и пришли бо бяху в двоюсту лодей, Констянтин град оступиша. Царь же дошед едва в град вниде, и с патриархом Фотием к сущий церкви святыа Богородица Влахерне, и абие паки всю нощную молбу створиша, и имя же се приат место некоторому князю скифянину родом, Влахерну нарицаему, ту ему убиену бывшу. Паче божественную святыа богородица ризу с песньми изнесше, в мори скуть омочивше. Тишине же суци и морю укротившуся, абие буря с ветром вьста, и вълнам велием въздвигшимся за собь, безбожных Руси лодиа взмяте и к берегу привержени избиени, яко мало от них от таковыа беды избегнута и в своаси с побеждением възвратишася».

Если мы сравним этот отрывок с соответственным местом русской летописи, бросится в глаза, что летопись почти слово в слово переписала сообщение; только подчеркнутые слова (см. выше) являются дополнением, а место о Влахерне чуть сокращено.

Указанное сообщение состоит из двух частей: фактической и фантастической. Последняя описывает торжественное омочение риз Богоматери в море и, как следствие, бурю, разметавшую ладьи «безбожных руссов».

Если мы обратимся к речи патриарха Фотия, бывшего главным действующим лицом в торжественной процессии с иконой, то не найдем в ней ни слова о буре. Совершенно естественно, что если молебствие вызвало ее, то уж кому-кому, а Фотию были все основания приписать бурю действию молитв, но он, говоря о процессии, ни слова не говорит о буре, а приписывает удаление руссов **неизвестной причине**. Очевидно, история с бурей совершенная фантазия.

Если мы обратимся, однако, к церковным источникам, то поймем и происхождение этой легенды. Как известно, в практике православной церкви существует особое молитвословие Богородице – «Взбранной воеводе победительная», в которой она прославляется за спасение Царьграда от врагов. Основание этому молитвословию дано совершенно иным, но сходным по обстоятельствам событием.

Проф. К. И. Зайцев в книге «Киевская Русь» (Харбин, 1942) пишет: «Память о чудесном избавлении Царьграда живет поныне в церковном богослужении: возникшее по аналогичному поводу, именно в 626 году, когда на Царьград напали авары (а среди них под именем скифов и славяне)».

Таким образом, греческий хронист соединил в одно два похожих события, перенеся подробности более раннего на более позднее и упустив из виду сообщение Фотия об этом же событии, хотя он же его и упоминает.

Неизвестный греческий хронист не заметил даже неувязки в своем сообщении: если руссы вошли во внутреннюю гавань Босфора («Суд»), то они должны были оказаться в полной безопасности от бури, – совершенно очевидно, что эта подробность взята из событий 626 года. Русский летописец-монах, заимствовавший эту историю, несомненно привел ее в религиозных и поучительных целях, ибо симпатии его явно на стороне греков-христиан, а не на стороне соплеменников, ибо те в описываемое время были язычниками.

Одно дело, разумеется, быть монахом XI века, а другое – ученым историком XIX и XX веков. Однако в этом вопросе между ними оказалось необыкновенно трогательное единение: религиозные басни русские историки предпочли точным историческим данным. Даже новейший советский комментатор летописи (Д. С. Лихачев, 1950) в весьма обширном и местами весьма дельном комментарии к ней не счел долгом сообщить ни слова, что это известие летописи совершенно ошибочно.

Перейдем теперь к рассмотрению фактической части сообщения греческой хроники, которая мало чем отличается от фантастической. Года события не указано, сказано только глухо: «царь же на агаряны изыде», следовательно, нападение руссов было в момент войны с сарацинами, которых летописец пренебрежительно называет агарянами (известно, что сарацины считали себя потомками Авраама и его законной жены Сарры, другие же народы приписывали им более низкое происхождение: от рабыни Авраама Агари – отсюда «агаряне»).

Мы не знаем точно, какую реку называли Черной; Д. С. Лихачев, 1950, считает ее Мавропотамом – рекой во Фракии. Однако ясно, что он ищет ее в совершенно противоположном направлении, т. е. не в Малой Азии, где жили сарацины (такова глубина анализа современных комментаторов-историков!).

Отметим, кстати, как пример неряшливого и поверхностного отношения к делу у того же автора, следующий ляпсус. В начале русской летописи помещен краткий географический обзор тогдашнего мира. И вот, между «Ефиопией, прилежащая ко Индом», «другой Ефио-

пией, из нея же исходить река ефиопская Чермна», Ливией, Куринией, Нумидией и т. д. мы находим имя «Фива». Все перечисленные в этом отрывке названия являются африканскими, естественно, что и «Фивы» следует искать в Африке. Д. С. Лихачев, однако, пишет: «Фива – Фиваида, греческий город в Беотии»! Очевидно, историк Лихачев не знает истории Египта и той роли, которую играл в ней одно время город Фивы.

Вернемся, однако, к сообщению греческого хрониста. Далее идет довольно нелепая фраза греческого подлинника, очевидно, испорченного при переписке или переводе: «И темь царь прочь не иде», т. е. якобы царь, узнав о нападении руссов, не возвратился, а через строку говорится, что он «дошел едва в град вниде».

Здесь явная фантазия: царь не мог вернуться мгновенно и принимать участие в молебне в Царьграде. Во-первых, Царьград был отрезан флотом руссов от Малой Азии, следовательно, царь физически не мог добраться до Царьграда, во-вторых, царь не мог возвращаться налегке без войска, ибо немедленно был бы захвачен в плен, в-третьих, у Фотия нет ни малейшего указания на присутствие царя, наоборот, он рисует ужасную картину беспомощности Царьграда: ни царя, ни войска; наконец, из двух речей Фотия видно, что он позволил себе публично говорить о царе то, что в его присутствии он никогда не сказал бы.

Можно было бы объяснить неожиданный уход руссов из-под стен возвращением греческого войска, но об этом нигде ни малейшего намека. Кроме того, ясно, что это была бы очень длительная операция, руссам же ничего не стоило сесть на корабли и уплыть. Таким образом, и фактическая часть сообщения греческого хрониста (и русской летописи) явно неверна, – перед нами больше фантастики легенды, чем действительности истории. Однако легенде поверили (ибо боялись сильных мира сего), а действительность отбросили. Никто, сколько нам известно, не сказал прямо и громко, что сообщение – ложь, предпочли отделяться молчанием.

Перейдем теперь к изложению событий, какими они были, основываясь на показаниях Фотия, предпослав несколько слов о личности Фотия и его литературном наследстве.

Фотий был (820—6.П.891) родственником царицы Феодоры, матери императора Михаила III, происходившим из богатого и знатного рода патрициев. Есть намеки, что в его жилах текла хазарская кровь, так как император Михаил III в пылу гнева обозвал его «хазарской мордой».

Фотий был ученым, страстным любителем наук, преподававшим их и своим, и чужим: в его доме собиралось избраннейшее общество того времени; женат он не был.

В государственной жизни он принял участие сначала как посланник к багдадскому халифу Мотазему, затем занимал пост первого меченосца и государственного секретаря при царе Феофиле (до смерти его в 840 или 841 г.), затем во время малолетства Михаила III был председателем государственного совета, т. е. фактически правил государством.

В дальнейшем, будучи светским человеком, он все же был избран в 857 году патриархом, на каковом посту и пробыл до конца сентября 867 года, когда был совершен дворцовый переворот Василием Македонянином.

Его избрание в патриархи вызвало резкий протест со стороны римско-католической церкви, однако именно из переписки папы Николая с Византией по этому поводу мы узнаем ряд интересных подробностей, ценных для познания истории Руси.

Затем с 878 и по 886 год Фотий вторично был патриархом, но потом отстранен и умер в изгнании.

Литературное наследство Фотия весьма значительно, однако, несмотря на выдающееся значение его для русской истории и истории русской церкви, оно почти совершенно не изучено русскими историками, ни светскими, ни духовными. Это факт поразительного разгильдяйства и беспорядка в русской исторической науке.

Если уж Иловайские, Ключевские, Платоновы не имели времени для изучения наследства Фотия, то Голубинские, епископы Макарии и другие профессора Духовной академии

имели, кажется, достаточно времени, чтобы заинтересоваться эпохой начала христианства на Руси. Все духовные источники, архивы монастырей были для них открыты, знали они отлично латынь и греческий, но они предпочли ленивый комфорт своих палат и келий изучению истоков христианства. Принимая во внимание колоссальные богатства русской православной церкви в прошлом, неограниченные возможности для работы, можно было ожидать наличия в русском тщательном переводе не только всего наследия Фотия, но и многих других источников; этого не сделано.

«Вера без дел – мертва есть!» Дел не было, это свидетельствует, какова была вера.

Единственным русским автором, частично исследовавшим наследие Фотия, был архимандрит Порфирий Успенский, опубликовавший в 1864 году «Четыре беседы Фотия, святейшего архиепископа Константинопольского» (СПБ) и снабдивший греческий текст и русский перевод «бесед» сравнительно весьма дельными рассуждениями.

Этот архимандрит показывает в своих комментариях, что он был куда «быстрее разумом» многих записных историков, однако и в его комментариях находим немало погрешностей.

История работы Порфирия Успенского такова: в библиотеке Иверского монастыря на Афоне он нашел в декабре 1858 года беседы Фотия «в особой книге, написанной на бумаге, в лист, 26-го июля месяца 1628 года, в день субботний».

«Эта книга, принадлежавшая константинопольскому патриарху Дионисию, содержит два послания Фотия к римскому папе Николаю и одно послание к Антиохийской церкви, семнадцать правил святого и великого собора, бывшего при Фотие в храме святых апостолов, шестнадцать бесед сего патриарха, и его же 275 писем к разным лицам, сочинение под названием “Амфилохия” и два рассуждения о теле и душе».

Четыре беседы из шестнадцати были немедленно скопированы и затем изданы в 1864 году. Таким образом, на издание тоненькой книжечки ушло более 5 лет! Темп изучения крайне медленный, хотя мы должны быть благодарны П. Успенскому и за то, что он сделал. Из его данных видно, что он нашел целую рукописную коллекцию творений Фотия и 275 писем его к разным лицам. Все это оказалось втуне: с 1864 года и до сих пор русские историки не ударили палец о палец для изучения и опубликования этих замечательных сочинений.

Мы не знаем, какие драгоценные сведения содержат эти 275 писем, но знаем стороной, что в других произведениях имеется ясное указание Фотия, что **крещение Киевской Руси совершилось еще до Владимира Великого**, по крайней мере за 100 лет. И этот исключительного значения факт так и остался не освещенным русскими историками! Конечно, об этом немногие писали, но написанное ими осталось почему-то на задворках, в тени, и на страницах больших курсов истории России не всплыло.

Конечно, не следует думать, что коллекция творений Фотия, находившаяся на Афоне, была полной, – наверное в других монастырях, архивах, библиотеках и т. д. хранятся и другие его сочинения, но наши ученые совершенно не позаботились их открыть, собрать и использовать то, что имеет непосредственное отношение к нашей истории.

Фотий за 71 год своей жизни, занимая такое высокое положение, видел немало и, конечно, сталкивался прямо или косвенно с руссами, и до, и после их похода на Царьград, в особенности по делам церкви. Несомненно также, что сохранились не только письма Фотия к его корреспондентам, но и письма их к нему. Из этих писем мы можем почерпнуть исключительно важные сведения о нашей истории, так, например, в письме папы Николая мы находим упоминание о нападении руссов на Царьград; подробностей в нем нет, но зато мы имеем возможность хотя бы с точностью до года датировать его письмо и тем самым установить крайнюю границу даты этого похода, которая до сих пор еще колеблется между 860 и 865 годами.

Время жизни Фотия (820–891) падает на исключительно интересный и вместе с тем темный период русской истории, поэтому неперменной и безотлагательной обязанностью русских историков является изучение литературного наследия Фотия и его корреспондентов, – это

«*conditio sine qua non*». Может быть, ничего особенно замечательного и не найдется, но знать, что в этом источнике нет ничего более интересного, – необходимо.

Если историки этого не понимают, то русская культурная общественность, интересующаяся судьбами своей родины, имеет все основания **потребовать сделать это**.

Конечно (насмешка судьбы!), для этого следует какому-нибудь комсомольцу, истощившему свой ум на творениях Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, съездить на Афон и изучить досконально греческий язык, но ведь ничего другого не остается. Сделать это надо хотя бы в порядке антирелигиозной пропаганды, чтобы показать, какими пустозвонами были деятели царской русской церкви.

С другой стороны, и за границей, где имеются даже богословские институты, следовало бы подумать о том, что в библиотеках Лондона, Парижа и в особенности Рима имеется немало материалов к истории русской православной церкви; на религиозных заумствованиях далеко не уедешь, в лучшем случае они явятся уделом полудюжины лиц вокруг богословского института, но не далее.

Переходим теперь, наконец, к изложению самых бесед, но и здесь еще надо сказать несколько слов. Так как в них много благочестивых рассуждений, цитат из религиозных книг, цветов церковной риторики и т. д., то мы выпустим все это из них, обратив внимание только на то, что имеет какое-то отношение к нашей теме.

Для удобства мы будем комментировать беседы по отрывкам, не откладывая разъяснения до конца беседы. Этим достигнется полная ясность в толкованиях, ибо толкование будет непосредственно вытекать из текста и последующее будет восприниматься уже в свете выясненного предыдущего.

К сожалению, мы не имеем возможности останавливаться здесь на рассмотрении комментариев самого П. Успенского, которые представляют значительный интерес. Много в них есть очень ценного, но имеются и сумбурные вещи, в особенности там, где П. Успенский отходит от непосредственного толкования бесед, а касается его личных взглядов на историю. В будущем, если позволят обстоятельства, мы еще надеемся вернуться к ним. Во всяком случае, из комментариев Успенского ясно, что уже в 1864 году ему, духовному лицу и не историку по специальности, было ясно значение бесед Фотия для нашей истории, он их правильно понял, печатно это огласил, но... историки остались глухи.

Перевод Успенского далеко небезупречен, но мы не имеем никакой возможности останавливаться на шлифовке деталей.

Остается сказать несколько слов об условиях, в которых произносились беседы. Первая была произнесена Фотием в переполненном народом храме в момент, когда пригороды Царьграда пылали, и греков спасали от руссов только высокие, крепкие стены. Вторая беседа была непосредственно после ухода руссов и полна еще не заглохшими, только что отошедшими переживаниями.

Первая беседа патриарха Фотия по случаю нашествия руссов

(Выражение «по случаю нашествия руссов» является оригинальным заглавием бесед, а не добавлено П. Успенским.)

В первом разделе среди риторики мы находим: «И как не терпеть нам страшных бед, когда мы убийственно рассчитались с теми, которые должны были нам что-то малое, ничтожное». Здесь явное указание, подкрепляемое и дальнейшим, что какие-то руссы были убиты в Константинополе из-за ничтожного долга. Из выражения «должны были нам» трудно понять, были ли убитые русские должны грекам частным лицам, или были должниками греческого государства.

Далее: «Не миловали ближних: напротив, как только избавлялись от тяготевших над нами утрашений и опасностей, поступали с ними гораздо суровее, не помышляя ни о множестве и тяжести собственных долгов, ни о прощении их Спасителем, и не оставляя сорабам малейшего долга, которого и сравнить нельзя с нашими долгами. Многие и великие из нас получали свободу (из плена) по человеколюбию: а мы немногих молотильщиков бесчеловечно сделали своими рабами».

И в этом отрывке явно сквозит упрек Фотия соотечественникам за бесчеловечность в отношении руссов. К сожалению, он говорит намеками, ибо говорит о фактах, в то время всем известных. Он указывает на неблагородство поведения греков: сами они, даже знатного происхождения, получали свободу из плена просто по человеколюбию, а когда молотильщики хлеба (очевидно, руссы) оказались несостоятельными должниками, – греки превратили их в рабов.

Во втором отделе мы находим: «Да теперь я не вижу и пользы от слез. Ибо, когда перед нашими глазами мечи врагов обгаются кровью единоплеменников наших, и когда мы, видя это, вместо помощи им, бездействуем, потому что не знаем, что и делать»... Отсюда следует, что Царьград был в полной растерянности и не оказал населению пригородов никакой помощи.

Далее имеется замечательный, но совершенно непонятный нам из-за незнания событий отрывок: «Почему ты (подразумевается вообще грек) острое копьё друзей своих презирал, как малокрепкое, а на естественное сродство плевал, и вспомогательные союзы расторгал, как бешеный, как озорник и бесчеловечный человек?»

В этом отрывке ясно, что речь идет о чем-то общегосударственном, и недаром П. Успенский толкует место об остром копье друзей, как указание на недоучитывание силы руссов, бывших дотоле друзьями Византии.

Вполне возможно, что и выражение «вспомогательные союзы» также относится к руссам, договор с которыми греки расторгли. К сожалению, выражение «естественное сродство» остается темным, и возможно, из-за несовершенства перевода Успенского.

В третьем отделе беседы нет ничего для нас интересного.

В четвертом мы находим: «Горько мне от того, что я дожил до таких несчастий; от того, что мы сделались поношением соседей наших, подражанием и поруганием окружающих нас; от того, что поход этих варваров схитрен был так, что и молва не успела оповестить нас, дабы мог кто-либо подумать о безопасности, и мы услышали о них уже тогда, когда увидели их, хотя и отделяли нас от них столькие страны и народоначальства, судоходные реки и пристанищные моря. Горько мне от того, что я вижу народ жестокий и борзый, смело окружающий наш город и расхищающий предместья его. Он разоряет и губит все: нивы, жилища, пажити, стада, женщин, детей, старцев, юношей, всех сражая мечем, никого не милюя, ничего не щадя. Погибель всеобща. Он, как саранча на ниве и как ржавчина на винограде, или страшнее, как жгучий зной, тифон, наводнение, или не знаю, что и сказать, явился в стране нашей и сгубил жителей ее».

Из этого отрывка исчерпывающе ясно, что нападение руссов было не грабежом, а в первую очередь колоссальным погромом. (И не насмешка ли судьбы, что руссы появились на сцене истории прежде всего как погромщики, недаром русское слово «погром» вошло, кажется, во все европейские языки.)

В бешенстве, в неудержимой жажде мести руссы били, жгли и уничтожали все живое и представляющее ценность (подробности ниже).

(Кстати, какой урок морали и солидарности дает нам прошлое – тогда за гибель всего нескольких соплеменников поднимался весь народ, образуя могучий кулак, борющийся за справедливость, – ныне целые нации отдаются на поругание только ради трусливого сбережения относительно спокойного «сегодня».)

Отметим также факт, интересный для истории виноградарства: уже тысячу лет назад «ржавчина» – болезнь винограда – была бичом этой культуры: бедствие от набега руссов сравнивается с результатом действия ржавчины.

В пятом отделе Фотий, между прочим, говорит: «Где теперь царь христолюбивый? Где военные станы? Где оружия, машины, военные советы и приготовления? Не других ли варваров нашествие передвинуло и привлекло все это? Государь давно трудится за границей, и с ним бедствует воинство его: а нас губит явное истребление и убийство, одних уже постигшее, а других постигающее.

«Этот скифский, жестокий и варварский народ, выскочив из-за самых Пропилеев города («Пропилеи – загородные ворота в виде наших триумфальных», примечание Успенского), как дикий вепрь расположился около него. Кто же за нас выйдет на брань? Кто выстроится против врагов, когда никого у нас нет, а мы отовсюду стеснены?»

Этот отрывок совершенно убивает легенду о том, что царь был в Царьграде или вернулся в него (сказано ясно – «государь давно трудится за границей», значит, его отделяет от Царьграда большое расстояние).

Далее, слово «государь», а не «государя», дает чрезвычайно ценное указание на то, что поход был до коронования Василия Македонца Михаилом III в соимператоры.

Наконец, что особенно важно, Фотий прямо называет напавших народом скифским. Никогда скандинавов скифами не называли, а вот руссов – сколько угодно.

«О, град-царь! – далее взывает Фотий. – Какие беды столпились вокруг тебя! И твоих утробных чад, и твои красивые предместья до самой Крепости, и пристани моря, распределенные жребием по обычаю варваров, посядают меч и огонь».

Здесь интересны два указания: 1) что руссы не только убивали и грабили, но и жгли, – явный признак озлобления и, следовательно, мести, 2) Фотий знал о том, что «варвары» делили свою добычу жребием (очевидно, это был тогдашний обычай), либо все же был кто-то, осведомлявший, что делается за стенами города.

«Приди ко мне, – далее взывал Фотий, – сострадательнейший из пророков, и оплачь со мною Иерусалим, не тот древний матероград одного народа, разросшегося от одного корня в двенадцать племен, но град всей вселенной, какую только озаряет христианская вера, град древний, прекрасный, обширный, блестящий, многонаселенный и роскошный: оплачь со мною этот Иерусалим, еще не взятый и не падший в прах, но уже близкий к гибели и расшатываемый подкапывающими его».

Из последних слов видно, что руссы вели подкоп под стены, намереваясь проникнуть в город. В дальнейшем мы найдем указание, что они одновременно насыпали и вал под стенами, чтобы через него получить доступ в самый Царьград; это указывает, что руссы вели правильную осаду города.

«О, град, царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается над тобою, как над рабою! – необученное и набранное из рабов!»

Интересно, что даже патриарх не может скрыть своего греческого презрения по отношению к необученным рабам-славянам.

«О, град, украшенный добычами многих народов! Что за народ вздумал взять тебя в добычу? О, град, воздвигший многие победные памятники после поражений ратей Европы, Азии и Ливии! Как это устремила на тебя копье рука варварская и черная, и поднялась, чтобы поставить памятник победы над тобою? Ибо все идет у тебя худо, что и необоримая сила твоя умалилась, как у больного отчаянно, и слабый и ничтожный неприятель смотрит на тебя сурово, пытается на тебе крепость руки своей, и хочет нажать себе славное имя.

О, царица городов царствующих! Многих союзников ты избавляла от опасностей, и многих преклонявших колена защищала оружием: а теперь сама ты обречена на истребление, и лишена помощников».

И здесь в речи Фотия чувствуется какой-то намек, нам неясный, на то, что Византия осталась без союзников, очевидно, по своей же вине. Повидимому, недоброжелательство их по отношению к Византии и позволило руссам напасть на Царьград как гром среди ясного неба.

Седьмой и восьмой отделы посвящены риторике и проповедничеству и ничего интересного для нас в себе не заключают.

Остается добавить, что эту речь Фотий говорил в переполненном людьми храме в момент, когда руссы уже свирепствовали в предместьях.

Вторая беседа патриарха Фотия по случаю нашествия руссов

(Эта беседа патриарха Фотия состоялась уже после ухода руссов, по всей видимости, весьма скоро после первой.)

В первом отделе находим: «Так точно и теперь разразилась у нас внезапная буря, как явное обличение нас в грехах наших. Она совершенно не похожа на другие нападения варваров: напротив, и нечаянность нашествия, и чрезвычайная быстрота его, и бесчеловечность варварского народа и жестокость его действий, и свирепость нрава доказывают, что поражение, как громовая стрела, было ниспослано с неба».

Из этого видно, что нападение руссов произвело на Царьград потрясающее впечатление.

Второй отдел гласит: «Поистине, гнев Божий бывает за грехи наши: гроза скопляется из дел грешников: без наказания не обходится нераскаянность в преступлениях. А чем страннее, ужаснее и беспримернее нашествие нахлынувшего народа, тем более обличается чрезмерность грехов.

«С другой стороны, чем неименитее и незначительнее народ, который до нападения на нас ничем не дал себя знать, тем больший стыд нам приписывается, и выше ставится памятник бесславия, и пуще чувствуется боль от бичей. Ибо когда слабейшие и презираемые одолевают блестящих по виду и необоримых по силе, тогда поражение бывает нестерпимо, несчастье безутешно, память о бедствиях неизгладима».

В этих словах Фотия чувствуется неопишуемая глубина уязвления гордого патриция, побитого презираемыми им плебеями. Зато боль его уязвленной гордости говорит нам ясно, что нападали на Царьград не скандинавы, – напал народ, который до этого «ничем не дал себя знать». Тевтонские бредни о скандинавах рассыпаются, как карточный домик, и теория норманистов (несмываемый позор русской исторической науки) гибнет.

Послушаем дальше: «Так, мы побиты нашими беззакониями, изнурены страстями, унижены грехами, сгублены злыми делами, и стали поношением и поруганием соседей наших (господа норманисты, вы слышите это?). Ибо те, которых усмирляла самая молва о Ромеях, те подняли оружие против державы их, и ударили в ладоши, борзясь и надеясь взять Царьград, как птичье гнездо, разорили окрестности его, истребили все до самой Крепости его, жестоко умертвили всех захваченных и смело окружили город, сделавшись отважными по причине нашего бедствия, так что мы не смели и посмотреть на них прямо и неробко, напротив, расслабели и упали духом от того самого, от чего им повадно было воевать мужественно. **Ибо эти варвары справедливо рассвирепели за умерщвление соплеменников их, и благословно требовали и ожидали кары, равной злодеянию».**

Отсюда ясно, что напали на Царьград **соседи** (а не скандинавы за тридевять земель), неименитые, ничем себя не заявившие, тихие (но таившие в себе потенциально колоссальную энергию воли) и рассвирепевшие, когда не получили от греков законного удовлетворения за убийство их соплеменников из-за грошового денежного расчета.

Они обрели мужество, объясняет Фотий, потому что стояли за правое дело, греки же, сознавая свою несправедливость, совершенно упали духом.

«А наши от страха, от поражения, расслабели так, что страдания захваченных начали ставить в зачет собственного имени, и воображением придумывать: кто бы должен отомстить за несчастных. Ибо когда нечаянный ужас внезапно проник в изгибы сердца и произвел в нем

жестокою боль, тогда из предсердия, как из источника, трусость дрожью пробежала по всему телу и обессилила даже тех, которым предоставлено судить о войне».

Третий отдел, ввиду его исключительного интереса, приводим полностью.

«Народ, ничем не заявивший себя, народ, считаемый наравне с рабами, неименитый, но приобретший славу со времени похода к нам; незначительный, но получивший значение, смиренный и бедный, но достигший высоты блистательной и наживший богатство несметное, народ, где-то далеко от нас живущий, варварский, кочевой, гордый оружием, не имеющий стражи (внутренней), неукоризненный, без военного искусства, так грозно, так мгновенно, как морская волна, нахлынул на пределы наши и как дикий вепрь истребил живущих здесь, словно траву, или тростник, или посев, – и какое наказание свыше! – не щадя ни человека, ни скота, не жалея женского бессилия, не милуя нежных младенцев, не уважая седины старцев, не смягчаясь воплями, кои укрощают и зверей, но буйно сражая мечом всякий возраст и пол раздельно».

Здесь мы прервем цитату и спросим себя: к кому могла относиться подобная характеристика – к руссам-славянам или руссам-норманнам?

Что мы знаем о руссах-славянах до похода на Царьград? – решительно ничего. Именно о них и говорит Фотий – «народ, ничем не заявивший себя».

Что мы знаем о «руссах»-скандинавах? Перед ними трепетала вся Средняя и Южная Европа. В 834, 835 и 836 годах норманны нападали на Фрисландию (главным образом на Дорестад), в 836 году они сожгли Антверпен, в 837 году они разграбили Валькерен, в 838 году буря рассеяла их флот, но в 839 году они вновь напали на Дорестад.

В период 840–850 годов происходят нападения норманнов не только на фризское побережье, но и на Францию, Германию и Англию. В 842 году был взят и разграблен Квентовик и вся страна между Рочестером и Лондоном. В 844 году была разорена Севилья в Испании. В 845 году Гамбург и Париж подверглись грабежу и опустошению. В 850 году Англия подвергается нападению флота из 350 судов, значительная часть ее разграбляется, и только Лондон с трудом избавляется от той же участи.

Нападения норманнов учащаются, и область их действий расширяется. Паника царит такая, что в «Отче наш» народ молит не об «избави нас от лукавого», а «избави нас от ярости норманнов» (кстати отметим, что никто норманнов Русью не называл).

В 859 году группа норманнов вновь разорила Севилью, добралась до Марокко, поднялась по Роне, попутно сжегши Арль и Ним, оттуда попала в Италию, и часть ее добралась даже до Греции. Интереснее всего, что весь этот путь разбойничьей экспедиции можно установить шаг за шагом по **арабским** источникам. Можно себе представить, каково было впечатление от этих набегов, если они регистрировались самым подробным образом даже арабами!

Все это было **до 860 года**, когда русь-славяне появились на страницах истории, как народ, ничем не заявивший себя. Это они – «народ непочетный», это они считались наравне с рабами, это славяне-руссы были «народ неименитый», ибо у них не было королей со славой, гремевшей по тогдашнему миру.

Фотий говорит: «незначительный, но получивший значение» – это о норманнах? «Смиренный и бедный» – это о норманнах? «Без военного искусства» – это о норманнах? Словом, свидетельство Фотия решительно и безоговорочно опровергает все домыслы норманистов.

Продолжим, однако, цитату. «Чего не видели мы? Младенцы лишались сосцов, молока и самой жизни, и нерукотворенными гробами им служили те камни, о которые они были разможжаемы. А матери их жалостно рыдали, и зарезываемые, или разрывающиеся, в истоме умирали подле малюток своих. Жалко слушать это, более жалко видеть. О таком зрелище лучше молчать, нежели говорить. Не знаешь, на кого тут смотреть, на губителей, или на страдальцев.

Лютость губила не одних людей, но и бессловесных животных, волов, коней, куриц и других, какие только попадались варварам. Лежал мертвый вол и подле него мужчина. У коня и

юноши одно было мертвенное ложе. Кровь женщин сливалась с кровью куриц. А что делалось над мертвыми телами? И то, и то!

Речные струи превращались в кровь. Некоторых колодезей и водоемов нельзя было распознать, потому что они через верх наполнены были телами, а другие едва заметны были, и то потому, что трупы были бросаемы в ближайšie к ним водохранилища. Мертвые тела загноили нивы и завалили дороги. Роши сделались непроходимы более от трупов, чем от поростков и чащи. Пещеры наполнены были мертвецами. Горы и холмы, лощины и долины ничем не отличались от городских кладбищ. Так велико было поражение. Вдобавок губительная язва от войны, носимая на крыльях грехов наших, перелетала с места на место, заражая что попадется».

Последнее обстоятельство указывает на то, что пребывание руссов не было слишком кратковременным, если успела распространиться даже и зараза.

В четвертом разделе мы между прочим находим: «Как все тогда смешалось, и как город едва не был поднят на копье! Когда легко было взять его, а трудно защитить, тогда по крайней мере от воли неприятелей зависело – пострадать ему или не пострадать; когда же спасение его зависело уже от расчетов их по пальцам и сохранение его – от их великодушия, тогда не много было разницы, лучше сказать, было гораздо лучше сдаться городу скорее, чем не сдаваться долго».

В этих словах Фотия видна ясно психология византийца, видевшего беспомощность пассивного сопротивления и надежду на то, что с городом, сдавшимся сразу, поступят не так жестоко, как после долгой осады.

В пятом разделе мы находим: «Помните тот трепет, те слезы и рыдания, кои тогда были во всем городе, впавшем в крайнее отчаяние? Помните ту мрачную и страшную ночь, когда жизнь наша догорала с последними лучами солнца, и заря бытия нашего поглощалась глубоким мраком смерти?»

Помните тот час, несносный и горький, когда в виду нашем плыли варварские корабли, навевавшие что-то свирепое, и дикое и убийственное? Когда это море, утихнув, трепетно растилало хребет свой, соделывая плавание их приятным и тихим, а на нас воздымало шумящие волны брани? Когда они проходили перед городом и угрожали ему, простерши свои мечи? Когда вся человеческая надежда убыла из человекoв, и единственное убежище оставалось только у Бога? Когда мрак объял трепетные умы, и слух отверзался лишь для одной вестии: «варвары уже перелезли через стены: город уже взят неприятелем?»»

Этот отрывок интересен, главным образом, описанием настроения в Царьграде в момент появления руссов; так как в истории играют большую роль и эмоции, то этот отрывок должен служить включенным в каждый курс русской истории.

В отделе шестом мы находим: «... когда Ее ризу носили все до одного вместе со мною для отражения осаждающих... тогда... гнев Его утих и помиловал Господь достояние свое, поистине, эта досточтимая одежда есть риза Богоматери. Носилась она вокруг этих стен: и неприятели, непостижимо как, обращали тыл свой. Покрывала она город: и насыпь их рассыпалась, как по данному знаку. Приосеняла она осажденных: и осада неприятелей не удавалась сверх чаяния, которым они окрылялись. Ибо, как только девственная риза эта обнесена была по оной стене, и – варвары сняли осаду города, – и мы избавились от ожидаемого плеча, и сподобились нечаянного спасения».

Из отрывка ясно, что омочение ризы Богоматери в море – либо вообще фантазия греческого хрониста, либо заимствовано из событий 626 года. Сам Фотий, несший ризу, не говорит об омочении ни слова, не говорит он и о буре. Интересно явное указание на насыпь, насыпанную руссами для проникновения в город.

«Неожиданно было нашествие врагов, но нечаянно и удаление их; чрезмерно негодование, но неизреченна и милость; невыразимо устрашение их, но посрамительно и бегство. Их

привел к нам гнев их: но за ними, как мы видели, следовала Божья милость и отвратила их набег».

Здесь Фотий снова совершенно ясно указывает, что причиной появления руссов был «гнев их», значит, не грабеж, а месть привлекла руссов к Царьграду.

В седьмом отделе, исключительно назидательном, есть одно замечательное место: «Как отважился бы кто одолеть врагов, когда у себя питает разрушительные раздоры и вражды, когда неразумная ярость овладевает самодержавным умом и склоняет убить ближнего, который, быть может, не сделал никакой неправды?»

И в дальнейшем есть прямой намек на недостатки самодержца, по приказанию которого, очевидно, должники-руссы и были убиты.

Восьмой отдел заключает в себе исключительно религиозную риторику.

Таково содержание двух бесед патриарха Фотия о нашествии руссов на Царьград. Огромный интерес их для русской истории очевиден, однако беседы до сих пор не переведены как следует на русский язык.

Несмотря на огромную пользу перевода Успенского, перевод его не может считаться удовлетворительным. Он сделан таким «богобоязненным» языком, что многие выражения совершенно непонятны обыкновенному культурному читателю. В сущности, беседы переведены на особый духовный жаргон, которого, увы, мы уверены, с точностью не понимают и духовные лица. Что значат, например, выражения: «благословно требовали», «пристанищные моря», «разжидили землю», «от музыкальных разжиганий», «со-рабы», «народ варварский, неукоризненный» и т. д.?

Есть в переводе места, которые являются «личными чтениями» П. Успенского, т. е. его толкованиями; в одних местах с ним можно согласиться, в других нельзя. В переводе огромного количества слов имеется уклонение от совершенно точного значения греческого подлинника. Отмечая это, мы не берем на себя задачи исправлять перевод, – это надлежит сделать другим, более компетентным лицам.

Не можем мы остановиться и на комментариях Успенского, которые в общем дельны, зато заключают в себе отражение довольно нелепых общих представлений Успенского. Он, например, считает, что руссы не были ни славянами, ни скандинавами, а яфетидами (очевидно, Успенский был предтечею академика Н. Я. Марра), даже в самом слове «славяне» он усматривает составное: «слав» и «ионы» и т. д.

Эти недостатки, однако, касаются рассуждений самого Успенского, самый же костяк бесед Фотия разбивает в пух и прах все построения норманистов, как в целом, так и в деталях.

Попытаемся теперь подвести итоги и сделать выводы из сообщения Фотия.

1. Версия русской летописи, заимствованная из хроники продолжателя Георгия Амартола (или общего источника), что Русь потерпела поражение под Царьградом из-за разразившейся бури, – совершенно ложна. В действительности не только Фотий, но и многие другие греческие и западноевропейские источники говорят о том, что Русь вернулась с триумфом (в дальнейших очерках читатель найдет документальные свидетельства этого). Хотя наши историки (только некоторые!) об этом и пописывали, но в курсах русской истории ошибочность сведения русской летописи осталась неподчеркнутой. Именно огромная победа дала основание руссам всплыть на поверхность мировой истории. Таким образом, **было не поражение, а победа.**

2. Версия греческого хрониста о буре в 860 году является безусловно ошибочной. По-видимому, эта подробность заимствована из описания другого, аналогичного события в 626 году, и молитвословие «Взбранной воеводе победительная» основано более на событии 626-го, а не 860 года. Таким образом, **историки предпочли религиозную фантастику исторической действительности.**

3. Указание некоторых русских летописей (в сущности, большинства их), относивших поход руссов на 866-й год и отметивших под 867 годом, что Аскольд и Дир вернулись из Царьграда «в мале дружине и бысть в Киеве плач велий», – дает основание для следующих противоположных предположений, либо: а) это сообщение является экстраполяцией ложного сообщения греческого источника, так сказать, его логическим развитием, и, следовательно, русский летописец виноват в фальсификации истории (вывод чрезвычайно важный, ибо подобных мест мы можем ожидать найти и на дальнейших страницах летописи), либо: в) сообщение о неудачном походе Аскольда и Диры в 866 году верно, но ему предшествовал другой, удачный поход 860 года, и, вероятно, под предводительством других вождей, ибо, если относить поход к 860 году, то Аскольд и Дир должны были появиться в Киеве еще до призвания варягов в 862 году (а это переворачивает всю нашу хронологию и историю, хотя и не является невероятным).

4. Нападение было совершенно неожиданным и внезапным: греки в Царьграде узнали о нападении почти в тот момент, как увидели суда неприятеля. Подобное нападение могло быть совершено только ближайшим соседом (как и указано Фотием), а не варягами, отделенными от Византии тысячами километров. Пока варяги перетаскивали бы волоками свои 360 судов (эту цифру дают западноевропейские историки), переправляли бы их по днепровским порогам, – посланники печенегов, хазар, греков и других народов-соседей оповестили бы Царьград своевременно.

Повидимому, поход был задуман типа сухопутного, «изгоном», т. е. налетке и ненадолго, именно только с целью отомстить. Возможно, что для обмана бдительности греков был избран и необычный путь (может быть, по Дону, Дону и Азовскому морю, может быть, и через реку Молочную, как это впоследствии проделывали украинские казаки при нападении на турецкое побережье). Во всяком случае, русские могли подготовить и произвести неожиданное нападение, скандинавам же это было положительно невозможно. К тому же есть все основания предполагать, что руссы напали на Царьград не случайно, а именно выбрав время, когда там не было ни царя, ни войска. Для этого необходимо было организатору похода быть по возможности ближе к Царьграду, чтобы, получив известие, немедленно двинуться на Византию. Такой осведомленностью ввиду дальнего расстояния скандинавы располагать своевременно никак не могли.

5. Хотя обе беседы имеют в заглавии «по поводу нашествия “россов”», можно думать, что это не слова самого Фотия, а переписчиков его речей, ибо народа «рос» в самом тексте он ни разу не упоминает, не упоминает он также ни разу ни слова «норманн», ни слова «варяг», – он говорит о неприятеле все время описательно. Почему это так – неизвестно. Во всяком случае, факт этот говорит в пользу того, что нападавшие были именно славяне, которых он просто называет варварами, а не варяги-норманы, которых знали слишком хорошо, чтобы не называть их по имени.

6. Описание черт нападавшего народа ясно говорит, что это могли быть только славяне: «народ скифский», «ничем не заявивший себя», «смирный и бедный», «живущий где-то далеко на севере», «считаемый наравне с рабами», «незначительный, но приобретший значение со времени нападения», «необученный, без военного искусства» и т. д.

Других своих соседей с севера – болгар, угров, печенегов, хазар – греки знали отлично, кроме того, ни один из этих народов не имел флота. Поэтому ближним соседом и вместе с тем самым неизвестным из-за обширности территории было только государство славян.

7. Нападающие принадлежали к давно известному народу, бывшему еще до того в торговых сношениях с Царьградом. Сама война возникла из-за неуплаты их представителями долга. Это не был народ, свалившийся как снег на голову, неизвестно откуда. Фотий знал его, ибо дает довольно точную и подробную его характеристику, но он им не интересовался, ибо тот

не играл видной роли. Если бы это были неведомые пришельцы, то об этом непременно было бы сказано.

8. Причиной нападения вовсе был не грабеж, а месть. Руссы, проживая в Царьграде, были должны какую-то малость, но по-видимому, не частным лицам, а государству. Михаил III, отличавшийся взбалмошностью (о чем мы находим ясные намеки у Фотия), приказал расправиться с ними. Одних просто убили, других сделали рабами из-за несостоятельности (обычайнейший прием в древности). На требования руссов наказать убийц греки ответили отказом (вероятно, именно потому, что в деле был замешан сам император). Тогда руссы подготовили тайную карательную экспедицию именно на Царьград, чтобы отомстить убийцам. Невероятная жестокость, проявленная руссами, объяснялась именно этим: они «справедливо рассвирепели» за гибель своих соплеменников. Что проделывали руссы с телами убитых, Фотий даже не осмеливается называть. Трупы намеренно сбрасывались в колодцы, чтобы причинить наибольшую пакость.

9. Нападение на Царьград вовсе не было нападением грабителей, а войной двух государств, причем нападающее защищало свои международные права и (имеем основания думать) настаивало на выполнении договоров. Из-за отдаленности времени мы не имеем текста первых договоров руссов с греками, но в самых древних, дошедших до нас, уже есть упоминание о существовании предшествующих договоров, а в самом тексте есть статья, говорящая, что в случае убийства представителей одной из сторон она вправе требовать от другой смерти убийцам и возмещения материальных убытков. Очевидно, того же самого требовали руссы и перед 860 годом.

10. Прямое указание русских летописей, вся последующая история (войн и договоров), наконец, логика вещей, ясно говорит, что нападающие были славянами из Киева. Фантастические теории о существовании государств Тьмутараканской Руси (согласно одним), Крымской Руси (согласно другим), Хазарской Руси и т. д. опираются прежде всего на то, что еще следует доказать; в нападении на Царьград они видят доказательство существования указанных гипотетических государств.

Что нападающие не были норманнами, читатель убедится не только из этого очерка, но из ряда других, где все утверждения норманистов будут критически рассмотрены.

11. Что поход не был набегом разбойничьей шайки, видно уже из того, что император Василий Македонянин, после разгрома окрестностей Царьграда и удаления руссов, вынужден был послать к последним послов с дарами для «возобновления прежних договоров». Действительно, положение было довольно неприятное и глупое. Греки, хотя и получили тысячекратное возмездие, все же мира не имели, следовательно, каждую минуту можно было ожидать повторения нападения, если и не на Царьград, то на побережье. Нуждались греки и в торговле, в рыбной ловле в устье Днепра и на Черном море. Это и заставило их «придите поклонимся».

К разбойничьей шайке послов император посылать не будет: сегодня шайка грабит, а завтра она разбежалась с добычей и вообще не к кому посылать послов, да еще с дарами. Какая гарантия, что дары будут приняты, а грабеж не состоится? Греки нуждались в твердом договоре с государством, на слово которого они могли положиться.

Твердые исторические данные, о чем мы будем говорить в одном из последующих очерков, указывают, что Василий Македонянин посылал послов именно к руссам в Киев.

12. К 860 году славянское государство на Днепре с центром в Киеве было настолько сильно и организовано, что могло разгромить Царьград (сам Фотий говорит, что взятие Царьграда, в сущности, зависело только от желания нападавших). Оно могло послать в карательную экспедицию 360 судов (по всей вероятности, по 40 человек в каждом) для отстаивания своих международных прав.

Напрасно думал Баумгартен, 1937, что *«Les russes en 860 ne se risquèrent pas à attaquer l'immense capitale de l'empire, et après en avoir ravagé les alentours, ils rebroussèrent chemin»* –

«Руссы в 860 г. не рискнули атаковать огромную столицу империи и, разграбив окрестности, прочесали дорогу».

На деле они повели осаду Царьграда по всем правилам: в одном месте насыпая вал, в другом подкапывая стены. «Рисковать» было нечем: город был беззащитен. Спасло Царьград, вероятно, то, что руссы достаточно утолили жажду мести, а увезти больше награбленного не было возможности. Ведь они даже не взяли никого в плен.

13. Представление, что русская государственность началась с призвания варягов, должно отпасть, как совершенно негодное. В момент появления Рюрика в Новгороде в Киеве уже существовало государство, воевавшее, заключавшее международные договоры, внушавшее своей силой уважение даже таким государствам, как Византия.

Уже то обстоятельство, что Олег для захвата власти в Киеве вынужден был прибегнуть к обману, показывает, что Киев представлял реальную силу и, только неожиданно уничтожив правителей, Олег смог овладеть им без боя.

14. Указание Фотия, что в момент нападения руссов «государь» отсутствовал, показывает, что событие случилось до мая 865 года, когда Михаил III короновал соимператором Василия Македонянина. Если бы поход состоялся после этой даты, – было бы сказано, что «государь» на войне, либо один из них присутствовал бы в Царьграде. Вопрос о точной дате похода, ввиду его сложности, мы оставляем в стороне, имея намерение вернуться к нему в специальном очерке.

Таковой представляется нам действительная история похода руссов на Царьград, опирающаяся на свидетельство очевидца – патриарха Фотия. К рассмотрению других свидетельств, дополняющих это, мы обратимся в дальнейших очерках.

Отметим здесь еще раз, что русские историки совершенно извратили первую страницу нашей истории, вовсе некритически отнесясь к писаниям на эту тему немецких и вообще иностранных историков.

В заключение позволим себе сделать два критических замечания по адресу норманистов. Если на Царьград нападали в 860 году действительно скандинавы, – почему ни до, ни после эти нападения скандинавов не имели места? Что же касается нападений руссов, то они растянулись до царствования Ярослава Мудрого; не естественнее ли принять, что и поход 860 года принадлежал им?

Если мы примем, что скандинавы напали на Царьград, почему (спрашивается) такой блестящий триумф не отразился ни в хрониках народов Севера, ни, наконец, в сагах? Какая благодарная тема для поэмы о подвигах! Однако все эти источники хранят гробовое молчание, почему? Да потому, что нападали **славяне**, в летописи **которых** и нашло отражение данное событие.

Таких вопросов норманисты себе не задают, ибо они разрушают их умствования, они ищут не исторической правды, а чего-то другого; в результате – фальсификация истории.

2. О свидетельстве Лиудпранда

Итак, сообщение Фотия не оставляет ни малейшего сомнения, что на Царьград нападали руссы-славяне, а не руссы-норманны, но как согласовать это с тем, что в западных хрониках мы встречаем выражение: «eo tempore normanorum», т. е. «в это время норманны», и именно об этом событии?

Для объяснения этого обратимся к свидетельству Лиудпранда, которому следует придавать особое значение уже потому, что он был выдающимся человеком и многое видел своими собственными глазами.

Он дважды посетил Царьград: в первый раз между 948 и 950 годами, когда он был посланником от короля Беренгариуса I при византийском дворе и прожил там много месяцев. Затем с 963 года он стал епископом города Кремоны в Италии (сам Лиудпранд был из Ломбардии), во второй раз, будучи уже епископом, он прожил 4 месяца в столице Византии, как посол императора Оттона I.

Таким образом, мы имеем дело с человеком образованным и высокопоставленным, а не с безвестным анонимным летописцем, о котором мы решительно ничего не знаем, а главное, с лицом, описывающим свое время, а не пользующимся какими-то неизвестными источниками о давно ушедшем времени.

Кроме личного опыта Лиудпранд имел также достоверные сведения о Византии от своего отчима, который был послом короля Италии Гуго во время нападения в 941 году князя Игоря на Царьград при византийском дворе. Таким образом, свидетельство Лиудпранда, в сущности, охватывает сведения двух поколений итальянских послов при Константинополе с 941 по 968 год, поколений очевидцев. Отчим Лиудпранда, например, лично присутствовал при обезглавлении пленных руссов.

Мы приводим ниже цитату из Лиудпранда целиком, ввиду ее особой важности:

«Habet quippe (Constantinopolis) ab aquilone Hungarios, Pizenacos, Chazaros, Rusios quos alio nos nomine Normannos appellamus, atque Bulgaros nimium sibi vicinos» (Pertz, Monumenta German. Histor. Scriptores, III, p. 277).

Таким образом, Лиудпранд, итальянец, перечисляя соседей греков с севера («ab aquilone»): венгерцев (угров), печенегов, хазаров и руссов, говорит, что мы, т. е. итальянцы, называем их и иным именем, именно «нордманнами». Из текста не ясно, называли ли итальянцы все перечисленные народы «нордманнами» или только руссов. Во всяком случае, руссов они безусловно называли «нордманнами», хотя много вероятно, что и остальные перечисленные народы включались в это понятие.

Очевидно, Лиудпранд считал греков, как и итальянцев и болгар, которых он выделяет из группы «нордманнов», «южанами», а всех северных соседей их – «северянами» или, иначе, «нордманнами».

Из этого показания бесспорно вытекает, что руссы, с точки зрения итальянцев, были «нордманнами» и что названы **подряд все ближние северные соседи Греции** (болгары же оговорены особо), что же касается дальних северных соседей, т. е. германцев, скандинавов, финнов и т. д., то о них не сказано ни слова.

Это не значит, конечно, что скандинавы не включались в понятие норманнов, но это значит, что южане в первую очередь считали норманнами целую свиту разных среднеевропейских народов, соседей Византии с севера. т. е. именно тех, с которыми Византии и приходилось все время иметь дело. Скандинавы же были только незначительной примесью к массам войск указанных «норманнов», которые оказывались то врагами, то союзниками, с массой же скандинавов, исчисляющихся десятками или сотнями тысяч, Византия не сталкивалась. Из свидетельства Лиудпранда ясно, что «Rusii» – это отдельный народ, подобный уграм, печенегам и

хазарам, сосед Византии и указанных племен, что «Rusii», в первую очередь относится к Киевской Руси, а не к скандинавам за тридевять земель.

Из этого совершенно ясно, что когда итальянские источники говорят о походе руссов на Царьград в 860-м году («eo tempore normannorum»), то речь идет в первую очередь о киевских руссах, ближайших северных соседях, могущих явиться на кораблях по морю; ни угры, ни печенеги, ни хазары военным флотом не обладали. Таким образом, никакого противоречия между показаниями Фотия и западными источниками нет: и в том и в другом случаях речь идет о руссах-славянах.

Перейдем теперь к следующей цитате из Лиудпранда, подтверждающей еще больше правильность нашего толкования.

«Verum quoniam meus vitricus, vir gravitate ornatus, plenus sapientia, regis Hugonis fuerat nuntius, pigrum michi (очевидно mihi) non hic sit inserere, quid eum de imperatoris sapientia et humanitatae et, qualiter Rusios vicerit, audivi sepius dicere. Gens quaedam est sub aquilonis parte constituta quam a qualitate corporis Greci vocant Rusios, nos vero a positione loci nominamus Nordmannos. Lingua quippe Teutonum Nord aquilo, man auter dicitur homo, unde et Nordmannos aquilonares homines dicere possumus. Huius denique gentis rex vocabulo Inger erat, qui collectis mille et eo amplis navibus Constantinopolim venit... Inger ingenti cum confusione post modum ad propria est reversus. Greci vero victoria potiti, vivos secum multo ducentes Constantinopolim regressi sunt laeti. Quos omnes Romanos in praesentia Hugonis nuntii, vitrici scilicet mei, decollari praecipit» – «А мой отчим, муж, достоинствами украшенный, прежде был послом короля Гуго и, немало заботясь о моем воспитании, весьма часто рассказывал о мудрости и человечности императора (Романа), а также о том, как он некогда победил русиев (Rusios). Народ сей сложился в пределах северных, и греки его называют русиями (Ρουσιος) по свойству его телесного устройства, мы же именуем нордманнами («людьми Севера». – *Примеч. ред.*) по географическому местоположению. Ибо на тевтонском наречии север произносится Nord, человек же – man, посему мы и можем северян называть нордманнами. Далее, был у этого народа король по имени Ингер (Inger), который, собрав кораблей тысячу, и даже более того, пришел к Константинополю... Впоследствии Ингер с великим смятением возвратился в свои пределы. Греки же, упоенные победой, множество пленных увели с собой живыми и, радостные, вернулись в Константинополь. Всех пленных (император) Роман повелел обезглавить в присутствии посла короля Гуго, то есть моего отчима» (*лат.*) (idem, p. 331).

Из этой цитаты видно, что итальянцы именно («мы», говорит Лиудпранд) называли руссов норманнами, и он объясняет значение этого слова: от немецкого nord = север и man = человек, иначе говоря, руссы назывались «северянами». Это место показывает, что хазары, печенеги и т. д., по-видимому, в понятие северян не включались.

Что же касается греков, то они называли руссов «Rusii», по особенности их тела, объясняет Лиудпранд, именно по светловолосости. «Rusii» означало «рыже-» или «светловолосые» – особенность, резко бросающаяся в глаза черноволосым грекам.

Лиудпранд подчеркивает, что итальянцы называли один и тот же народ отлично от греков, именно они называли их по признаку их географического местоположения, греки же – по признаку телесного строения.

Особо следует отметить, что речь идет здесь о Руси князя Игоря (Inger, как называет его Лиудпранд), славянство которой не подлежит уже никакому сомнению.

Таким образом, уже более тысячи лет назад образованные люди того времени не только прилагали к славянам (киевским в первую очередь) имя Русь, но и объясняли значение этого имени.

Не скандинавское племя под именем «Русь», которое не известно ни одному скандинавскому или западноевропейскому источнику, возглавив славян, передало им свое имя, а греки

назвали своих северных светловолосых соседей «Русью» и закрепили это название и среди других народов.

Присвоение этого имени самими руссами совершилось, очевидно, весьма легко по двум причинам. Во-первых, несмотря на единство происхождения, языка, обычаев, религии и т. д., славянские племена не имели идеи единства. Были новгородцы-словене, были кривичи, поляне, севера, вятичи и т. д., но понятия, объединяющего их, не существовало, ибо не было и государственного единства.

С появлением Рюриковичей и образованием единого мощного восточнославянского государства явилась и необходимость употребления какого-то общего для всех термина. Своего термина не было, пришлось заимствовать чужое название.

Во-вторых, употребление чужого термина было вполне приемлемо для руссов не только потому, что им нечего было обижаться на название «светловолосые», ибо они действительно были таковыми, но и потому, что в их родном языке существовало слово «русый», означавшее то же самое. Поэтому греческое прозвище привилось легко и быстро.

Что понятие единства восточных славян отсутствовало, видно из первых страниц русской летописи: летописец перечисляет отдельные славянские племена, но не употребляет термина, объединяющего их всех. Самое слово «Русь» он считает пришедшим с рюриковичами, употребляя выражение «а язык словенск и русский един есть», он уже отражает состояние понятий **своего** времени, т. е. начала XI века, название же «Русь» – куда глубже.

Что название «Русь» не всем нравилось, ясно видно из отрывка летописи о новгородцах, это их – «словен» – стали варяги называть «Русью», а они оставались до XV века «словенами» (об этом подробно в другом выпуске).

Заметим, что в греческом «*rousios*» мы имеем не короткое «у», а долгое «о», что является также весьма характерной чертой для старинной русской орфографии и фонетики: писали рать «роуская» и т. д.

Некоторые авторы, например, Томсен, 1877, указывают, что словопроизводство греческого «*rousios*» неверно. Не будем об этом спорить, ибо ни Томсен, ни мы не являемся знатоками греческого языка, – бесспорно одно: во времена Лиудпранда и его отчима значение слова «Русь» так понимали все. Из дальнейшего мы увидим, что это название в применении именно к славянам уходит вглубь по крайней мере до 839 года, т. е. уже задолго **до призвания Рюриковичей**, что в корне рубит теорию норманистов.

Однако вернемся непосредственно к свидетельству Лиудпранда, оно, как мы видели, устраняет предполагавшуюся разногласию между показаниями Фотия и показаниями западноевропейских хроник.

Хроника Иоанна Диякона (венетянина, следовательно, употреблявшего ту же терминологию, что и Лиудпранд), гласит:

«*Eo tempore Normannorum gentes cum trecentis sexaginta navibus Constantinopolitanum urbem adire ausi sunt. Verum quia nulla ratione inexpugnabilem ledere valebant urbem, suburbanum fortiter portantes bellum quam plurimos ibi occidere non perporceunt, et sic predicia gens cum triumpho ad propriam regressa est*» – «В то время роды норманнов с тремястами шестьюдесятью кораблями отважились пойти на город Константинополь. Поскольку же они были никоим образом не в состоянии причинить ущерб неприступному городу, то начали жестокую войну в пригородах и не преминули весьма многих убить, и так прежде указанный род с триумфом возвратился в свою землю» (*лат.*) (Pertz, Monumenta Germaniae Historica Scriptores, VII, p. 18).

Другой итальянец, дож Андрей Дандуло († 1354) в своей «*Chronicum Venetum*», libr. VII, c. 4. pars 41 (Muratori, Rerum Ital. Scriptores, XII, p. 181. Mediolani, 1728, fol.), основываясь совершенно очевидно на данных Иоанна Диякона или на общем для обоих источнике, писал о том же событии:

«Per haec tempora Normannorum gentes CCCLX navibus aggressi sunt Constantinopolim, et suburbana impugnat multosque occidunt et cum gloria redeunt» – «В те времена роды норманнов на трехстах шестидесяти кораблях напали на Константинополь, и пригороды повоевали, и многих убили, и со славою возвратились» (*лат.*).

Из этих цитат, равно как из свидетельства Фотия, ясно, что нападение руссов на Царьград окончилось победой: один из источников говорит, что руссы вернулись «с триумфом», другой – «со славою». С нашей точки зрения, вряд ли можно назвать «славою» вырезывание беззащитного населения, хотя бы в целях отместки, но факт остается фактом – руссы отомстили и благополучно вернулись. Русская же летопись основывалась на ошибочной версии греческого источника, собственной же памяти об этом событии у руссов не хватило.

Поскольку в греческих источниках имена Аскольда и Дира, как вождей похода, совершенно отсутствуют, а появляются только в русской летописи, верность сообщения в них должна быть подвергнута весьма серьезному сомнению: если русские забыли, чем окончился поход, то как они могли сохранить верно имена вождей похода?

Очевидно, первый русский летописец, узнав из греческой хроники о былом походе руссов на Царьград и зная, что в это время Аскольд и Дир правили в Киеве, связал эти два события, не имея достаточных оснований. Иначе говоря, весь отрывок о начале Руси совершенно ложен.

Перейдем теперь к выводам.

1. Читая старинные источники, надо не упускать из виду, кто пишет и какую терминологию употребляет. Из свидетельства Лиудпранда (итальянца) ясно, что итальянские хронисты под «норманнами» подразумевали в первую очередь Киевскую Русь, ибо именно она была северным соседом Византии.

2. Расхождение в показаниях Фотия, что напали на Царьград руссы, и итальянских хроник, что напали норманны, устраняется – напали славяне Киевской Руси, сводя счеты с греками.

3. Все итальянские источники сообщают, что нападение руссов окончилось победой, а не поражением; они же дают число руссов в 360, а не 200 кораблей, как это имеет место в русской летописи. Иначе говоря, нападавших было почти вдвое больше.

4. Нападение 360 судов не могло быть организовано разбойничьей шайкой, – это был целый флот, который могло выставить только государство.

5. Греки называли своих светловолосых соседей с севера, т. е. славян Киевской Руси, «светловолосыми» – *Rusios*. Очевидно, имя «Русь» не скандинавского происхождения и не финского, а греческого. Так, по крайней мере, думали образованные люди 1000 лет назад.

3. О послах народа «рос» в 839 году

В Бертинской летописи, написанной епископом города Труа Пруденцием, имеется сообщение под 839 годом, касающееся послов народа «Рос», в котором нетрудно узнать «Русь», ибо греки употребляли для обозначения нации руссов слово «Rhos».

Ввиду интереса, представляемого отрывком, приведем его почти полностью, а затем в несколько сокращенном виде изложим его содержание.

«Venerunt laegati Graecorum a Theophilo imperatore directi... ferentes cum donis imperatore dignis epistolam; quos imperator quinto decimo cal. Juni in Ingulenheim honorifice suscepit... Misit etiam cum eis quosdam *qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant*, quos rex illorum, Chacanus vocabulo, ad se amittitiae, sicut asserebant, causa direxerat, petens per memoratam epistolam, quatenus benignitate imperatoris redeundi facultatem atque auxilium per imperium suum totum habere possent, quoniam itinera per quae ad illum Constantinopolim venerant, inter barbaras et nimiae feritatis gentes immanissimas habuerant, quibus eos, ne forte periculum inciderent, redire voluit. Quorum adventus causam imperator diligentius investigans, *comperit eos genti esse Sueonum*, exploratores potius regni illius nostrisque quam amittitiae petitores ratus, penes se eo usque retinendos iudicavit quod veraciter invenire posset, utrum fideliter eo necne pervenerint; idque Theophilo per memoratos legatos suos atque epistolam intimare non distulit, et quod eos illius amore libenter suscepit; ac si fideles invenirentur, et facultas absque illorum periculum in patriam remeandi daretur, cum auxilia remittendos; sin alias, una cum missis nostris ad ejus praesentiam dirigendos, ut, quid de talibus fieri deberet, ipse decernendo efficeret» – «Прибыли послы греков, императором Феофилом отправленные (...), неся послание вместе с дарами, достойными императора; император (Людовик) их с почетом принял в Ингельгейме в пятнадцатый день июньских календ. (...) С ними (т. е. с византийскими послами. – *Примеч. ред.*) были присланы и те люди, которые себя, то есть народ свой, как говорят, именовали *рос* (Rhos), каковых людей их король, хакан (Chacanus) прозванием, ранее направил с уверением своей дружественности, прося в упомянутом послании, дабы император (Людовик) соблаговолил обеспечить им возможность вернуться и оказал содействие всею своею властью, ибо свой путь, коим пришли они в тот Константинополь, они проделали среди ужаснейших народов, варварских и весьма свирепых, и дабы не возжелал он (император), чтобы они возвращались теми же путями и не подверглись серьезной угрозе. Причину их прибытия император тщательно исследовал и выяснил, что они – из народа свейского (или «свеонского». – *Примеч. ред.*), скорее разведчики в том королевстве и в нашем (то есть, в византийском и франкском государствах. – *Примеч. ред.*), нежели искатели дружбы, и он приказал их удерживать у себя, чтобы можно было достоверно установить, от него (Феофила) они прибыли, или нет; и он немедленно сообщил Феофилу через упомянутых послов и письмом обо всем этом и о том, что из уважения к нему охотно принял и тех людей (из народа *рос*), и если подтвердится, что они искренни, им будет предоставлена возможность безопасно вернуться в свое отечество и будет оказана помощь; если же окажется иначе, их надлежит вместе с нашими посланниками направить, чтобы они предстали перед ним (Феофилом) и пусть он сам разберется и сделает то, что подобает по отношению к таковым людям» (*лат.*) (Pertz, Monumenta German. Histor. Script., I, p. 434).

Из этой цитаты видно, что в мае 839 года ко двору императора Людовика Благочестивого в Ингельгейм явилось посольство от византийского императора Феофила. В особом письме последний просил Людовика пропустить через его земли послов «народа Рос», которые были в Царьграде для заключения дружественного договора, но не могли вернуться домой тем же путем, ибо он захвачен свирепыми варварами.

Император Людовик произвел расследование, причем выяснилось, что послы, о которых хлопотал император Феофил, на самом деле **шведы**. Так как Людовик опасался, что эти люди

могут оказаться лазутчиками (*exploratores*) норманнов, которых он имел основание бояться, то он задержал их до дальнейшего выяснения дела. О последующей судьбе их Пруденций ничего не сообщает.

Эта цитата дала основание норманистам утверждать, что здесь имеется блестящее доказательство того, что «Русь» – это скандинавы, германцы, а не славяне. Послы называли себя «от народа Рос», при подробном расследовании они оказались шведами, следовательно, Русь = шведы.

Трудно понять научную неприязнительность подобных ученых. Логика они, очевидно, не изучали, а если и изучали, то недостаточно усвоили. Перед нами типичнейшая логическая ошибка, разбираемая на первых страницах учебника логики: «китаец – человек», «негр – человек», – следовательно китаец есть негр.

В данном случае мы имеем: послы (так они говорили) от народа «Русь», послы (как узнал Людовик) – шведы, – следовательно, «Русь = шведы». Становится стыдно, что ученые споткнулись о такое пустячное логическое препятствие, элементарнейшую задачу логики.

Из свидетельства епископа Пруденция, человека почтенного и ученого, бесспорно вытекает одно: послы, именовавшие себя от племени «Рос», оказались шведами, но это не значит еще, что Русь и шведы – одно и то же.

Если бы «Рос» и шведы были одно и то же, то никакого недоумения и расследования это не возбудило бы (допустим, англичанин назвал бы себя британцем, взволновало ли бы это кого-нибудь?).

Если же было специальное расследование, то именно потому, что Русь не шведы. Подозрение было вполне обоснованно: если ты швед, почему ты называешь себя руссом?

Не может быть даже и речи, что здесь произошло недоразумение, некоторая путаница понятий, что вместо широкого племенного понятия (шведы) послы употребили более частное («Рос»). Если бы это было общеупотребительно и понятно, то у Людовика не было бы никаких оснований поднимать историю, если же оно было малоупотребительно и непонятно, то у послов не было оснований его употреблять. Ведь послы нуждались в чем-то, что служило аргументом в их пользу и помогло бы убедить Людовика пропустить их через его земли.

Некоторые (в том числе и Баумгартен, 1939) допускают даже, что сам император Феофил, рекомендовавший послов Людовику, не знал, что это за народ. И можно же такое придумать, что император Феофил, заключавший с народом «Рос» дружественный договор, не знал, с кем он заключает договор! Баумгартен говорит: «Il paraît aussi que les Russes étaient encore inconnus aux Byzantins» – «Кажется также, что руссы еще не были знакомы с византийцами» (*фр.*) (р. 9). На деле совершенно очевидно, что послы употребили имя «Рос», как общеизвестное, дававшее им возможность убедить Людовика пойти им навстречу, ибо что он мог возразить против естественного желания людей вернуться домой, на родину?!

В дальнейших наших рассуждениях перед нами такие возможности: 1) послы были действительно славяне – «Русь», 2) послы были шведами, желавшими обмануть Людовика, употребив имя «Рос» как хитрое прикрытие, 3) послы были шведами по национальности, но являлись уполномоченными Руси в переговорах с Византией.

Если послы были действительно от племени «Рос», т. е. славянами, можем ли допустить, что Людовик, производивший специальное расследование и уж, конечно, опиравшийся на людей знающих, мог ли он признать славян за германцев? Явная нелепость: ведь послы-славяне, прежде всего, не говорили по-скандинавски.

Если же послы были шведами, хотевшими обмануть Людовика, то могли ли они быть такими идиотами, чтобы прикрываться самым одиозным именем? Уж если они хотели обмануть Людовика, то они должны были назваться племенем, ничего общего со скандинавскими не имеющим. Но если это так, то это значит, что «Рос» ни в коем случае не скандинавы. Наконец,

если послы действительно были обманщиками, то в этом обмане должен был быть замешан и сам император Феофил, снабдивший их рекомендательным письмом, – опять явная нелепость.

Кстати, добавим, что в дискуссии о послых 839 года нашлись и такие умники, которые предполагали, что и послы не были послы, а купцы, прикрывавшиеся именем послов и желавшие воспользоваться дипломатическими привилегиями, – мысль, заставляющая признать, что и в Царьграде, и в Ингельгейме оба императора и все их служащие были круглыми дураками, что в древности не было ни верительных грамот, ни печатей (о которых мы находим упоминание в самых первых договорах Руси с Византией!).

Это предположение говорит не только о низком уровне умственных способностей у лиц, его высказывавших, но и о том, что такое предположение имело скорее смысл запутать вопрос, создавши своего рода дымовую завесу, когда спорят не об основном, а совершенно второстепенном, а основной вопрос остается нерешенным.

Остается единственно возможное, и вместе с тем правильное, объяснение случившегося: послы по национальности были шведы, но представляли собой в переговорах с Византией народ «Рос», т. е. Киевскую Русь, поэтому они и говорили о себе, что они послы от народа «Рос». И в дальнейшем мы не раз встречаем скандинавов в переговорах с Византией (Карла, Ингельда и др.), говорящих: «Мы – от рода русского».

Совершенно естественно, что скандинавы, ездившие повсюду и знавшие пути и языки, ездили в Царьград послами Руси, которая была соседкой Византии и с которой торговля поддерживалась из тьмы веков.

Представлять же Скандинавию в переговорах с Византией они не могли уже потому, что огромное расстояние, отделявшее Византию от Скандинавии, трудность пути, несовершенство тогдашних способов передвижения и т. д. почти совершенно изолировали эти страны друг от друга. Мы вообще не знаем ни одного договора между этими странами за все время их существования (исключая, конечно, современную эпоху).

Далее (что особенно интересно для уяснения психологии норманистов), многие усиленно подчеркивают влияние скандинавов на Киевскую Русь, они настаивают, что чуть ли не все послы руссов в переговорах 907, 912 и 945 годов были скандинавы, но когда речь заходит о переговорах 839 года, то они решительно устраняют славян и считают, что они на этот раз представляли самих себя и даже назывались Русью! Подумали ли норманисты, что для заключения дружественного договора между Скандинавией и Византией должны были быть какие-то реальные (материальные, экономические, политические и т. д.) предпосылки?

На самом деле все события: 839, 860, 867, 907, 912 и 945 годов были единой, действительной и вместе с тем логической цепью, показывающей, что Киевская Русь по крайней мере на протяжении столетия пользовалась то дипломатической, то военной помощью скандинавов. Можно сказать с уверенностью, что в этой цепи были и иные звенья, но история не сохранила нам их следов, но кое-что, вероятно, еще будет найдено.

Одно из таких посольств Руси (конечно, не первое) в 839 году не могло вернуться в Киев из-за перехваченного врагами Руси пути через Днепр и пыталось вернуться домой круговым путем, очевидно по Дунаю.

В Ингельгейме послы, будучи представлены, как «россы», конечно, разговаривали между собой на родном языке, т. е. по-шведски, чем и возбудили подозрение, что они лазутчики. Как следствие, Людовик задержал их для дальнейшего выяснения дела. Очевидно, выяснение установило, что послы действительно от «народа Рос», и их отпустили, иначе Пруденций упомянул бы о поимке лазутчиков-норманнов.

Все просто и понятно, и прежде всего то, что народ «Рос» ни в коем случае не был скандинавским.

Норманисты, далее, злонамеренно умолчали, что в 867 году, после карательной экспедиции руссов на Царьград, Василий Македонец, воцарившийся на месте убитого им Михаила III, посылал послов с дарами в Русь **«для возобновления бывших договоров»**.

За нарушение договора Михаилом III Византия была жестоко наказана еще в 860 году (по другим данным, в 865 году). Какой же это был договор?

Да, очевидно, именно тот (или близкий к нему), который заключил с Русью в 839 году его отец Феофил!

Таким образом, послы Руси в 839 году, что ездили в Царьград для заключения дружбы с Византией, не висят где-то в воздухе, а являются органическим звеном событий, связывавших Русь с Византией еще издавна, задолго до появления Рюрика на сцене на севере.

Таким образом, Русь (и именно под этим именем!) была отлично и издавна известна в Византии, если еще в 839 году с ней заключали официально договор двух держав. Поскольку, однако, отношения Руси с Византией протекали мирно, нормально, они не нашли должного отражения в истории, которая излагает главным образом катаклизмы в жизни наций. Это не значит, однако, что Руси в Византии не знали. Уже Фотий, называя их «варварами», дает довольно точный очерк того, что представляли собой руссы того времени.

Что народ «Рос» был славянами, а не скандинавами, видно также из того, что их вождя, согласно Вертинской летописи, они называли «хаканом». Мы знаем положительно, что почетный титул «хакана» или «кагана» употреблялся на Руси даже до конца XII века (см., напр., «Слово о полку Игореве», «Слово о благодати» митрополита Илариона). Это был отголосок хазарского влияния. Когда-то Русь была в подчинении у Хазарского каганата (именно Киевская Русь), этот почетный титул для князя дошел в своем употреблении почти до XIII века. Естественно, что в 839 году хазарское влияние было гораздо сильнее.

Спросим, однако, норманистов: звался ли когда-нибудь в Скандинавии вождь «хаканом»? Конечно, нет!

Карамзин, будучи норманистом, усмотрел в слове «*chacanus*» просто имя скандинавского князя Насон'а, но на это имеется ряд существенных возражений: 1) филологическое: в слове «хакан» или «каган» (в его иной огласовке) имеются два «а»; в слове «Гакон» мы имеем «а» и «о», 2) историческое: Карамзин не доказал ничем, что в 839 году в Скандинавии княжил какой-нибудь Гакон и что он посылал в Византию мирное посольство, 3) грамматическое: выражение – «*quos rex illorum Chacanus vocabulo*» показывает своей конструкцией, что речь идет не о личном имени, а о титуле, 4) логическое: при существовании между Людовиком и норманнами плохих отношений называть своего норманского короля Гакона было по меньшей мере неосторожно, а то и просто глупо.

Что «хакон» не был Гаканом, настолько ясно, что даже такой норманист, как Томсен, решительно отрицает такое понимание.

Некоторых может смутить то, что имеется перестановка слогов в словах «хакон», «хаган», «каган», что, мол, эти слова разные. Подобное явление встречается часто, в особенности если слова произносятся разными народами (у каждого свои законы фонетики).

Например, множество народов говорит «мар-мор», русские говорят «мра-мор», полятины «*for-mosus*», по-румынски «*фру-мосус*» и т. д. Даже в пределах одного народа говорят по-разному: одни «баркас», другие «карбас», в летописи посол Руси в одном месте называется Рулав, в другом месте он же – Лорав, и т. д.

Высказывались также сомнения, что император Феофил употребил в письме слово «хакан», что греки, мол, должны были употребить иное слово, и т. д.

Все эти рассуждения совершенно беспочвенны, ибо жизнь показывает, что в практике большинства народов ради вежливости и почтения принято употреблять титулы в их оригинальной фонетике, а не переводить на свой язык.

У китайцев был «богдо-хан», у татар «хан», у хазар «каган», у римлян «цезарь», у греков «базилевс», у итальянцев недавно «дуче», у немцев «фюрер» и т. д.

Совершенно естественно, что послы руссов титуловали своего вождя наиболее почетным (для них) именем «хакана»; так же естественно, что император Феофил употребил в официальном письме, содержание которого, конечно, было известно послам руссов, то же выражение. В этом случае он мог быть уверен, что никак не обидит послов, с переводом же этого титула на греческий или латинский могли случиться и неприятности.

Интересно, что в 871 году Людовик II послал ответное письмо греческому императору Василию, протестовавшему против употребления франкскими королями титула император (или, по-гречески, «базилевс»), которым те наделяли сами себя.

Людовик II в свою очередь протестовал против монополии этого титула византийскими императорами и упрекал последних в отказе их называть этим именем и других королей, и что они применяют, например, титул «chaganus» в отношении королей аваров, хазаров или норманнов («*praebatum Avarum, Gazarorum aut Northmannorum*» (Pertz, Monumenta Germ. Hist., III, p. 523).

Томсен, разбирая это свидетельство, добавляет в отношении слова «Northmannorum» – «The last name answering evidently to the Greek τῶν Ρωσς» – «Очевидно, последнее именование соответствует греческому τῶν Ρωσς» (*англ.*) (т. е. последнее имя отвечает, очевидно, греческому «тон Рос»), ставя таким образом между «Рос» и норманнами знак равенства.

Это совершенно верно, ибо речь идет здесь не о норманнах в широком значении этого слова, а об узком его понимании, т. е. о Киевской Руси, т. е. той части общего понятия «норманны», которая называла своего главу «хаканом».

Что речь шла не о норманнах Скандинавии, ясно из того, что вопрос о титуловании вождей разбойничьих шаек, конечно, не мог подниматься. Речь шла о титуловании глав различных государств, вступающих в дипломатические сношения друг с другом.

Остается сказать еще несколько слов о третьем историческом источнике, толкующем о «хакане» и «Руси». Этот источник – иного рода, далеко менее достоверный, чем западные источники. Это сообщение арабского писателя (около 912 г.) Ибн-Даста. В этом сообщении так много неясного и запутанного, что нет ни одного исследователя, который сказал бы, что он вполне ясно понимает, о ком идет речь. На сути сообщения поэтому мы не останавливаемся, отметим только, что, по Ибн-Даста, вождь «руссов» назывался «Хакан-Рус». И здесь опять мы находим какой-то отголосок того, что вождь руссов назывался «хакан». Из всего вышесказанного ясно, что послы народа «Рос» были послами Киевской Руси, а не скандинавского государства.

Остается упомянуть для полноты, что высказывалась мысль, будто послы на самом деле были от хазарского кагана, но тогда послам нечего было называть себя народом «Рос», а просто переехать через море домой – в этом препятствий им не было. Другое дело было с Киевской Русью со столицей, расположенной по крайней мере в 500 километрах от берега моря, этот путь действительно мог быть перехвачен врагами.

Предполагали также, что послы были от так называемой «Черноморской Руси», гипотетического славянского государства на Черном море, о котором достоверно мы решительно ничего не знаем. Но и в этом случае что мешало послам переехать через море, а не ехать за тридевять земель в обратную сторону?

Одним словом, мудрили на все лады, стараясь обойти единственное напрашивающееся само собой решение. Принять его не могли потому, что не позволял норманистский гипноз.

Итак, выводы из показаний Вертинской летописи следующие.

1. Народ «Рос» ни в коем случае не был скандинавским: а) такого скандинавского народа история Запада не знает совершенно, б) никогда в Скандинавии королей «хаканами» не назы-

вали, с) история вообще не знает заключения договора между Византией и Скандинавией, d) Людовик не мог принять славян за шведов, е) если послы обманывали Людовика, они не могли прикрываться именем именно того народа, которого он имел основания бояться.

2. Народ «Рос» был Киевской Русью, издавна заключавшим договоры с греками, о чем имеется ясное указание в документах, относящихся уже к 867 году. Посольство 839-го, вернее, 838 года в Царьград было одним из цепи посольств, связывающих Киевскую Русь с Византией. В подобных посольствах от имени Руси принимали участие и скандинавы, что дало основание для подозрений Людовика.

3. 839 год, таким образом, является пока самым древним упоминанием о Руси, сохранившимся в достоверном историческом источнике. Поэтому 839 год может считаться годом, когда «нача ся прозывати Руськая Земля», т. е. когда Русь выступила на арену мировой истории, иначе говоря, **до Рюрика**. Самый термин «Русь» («Рос»), конечно, создан задолго до этого, в 839 году он был достаточно известен и в Византии, и в Западной Европе и в разъяснениях не нуждался – Русь уже хорошо знали.

4. Этот важный опорный пункт норманизма решительно не может быть принят, наоборот: свидетельство Вертинской летописи говорит совершенно определенно в пользу «славянофилов». Напомним, что правота последних подтверждается целым рядом фактов и соображений, которые читатель найдет в последующих выпусках. Опубликовать сразу весь материал автор не имеет ни времени, ни средств. Он только может заверить читателя, что все опорные пункты норманистов им опровергнуты.

4. Константин Багрянородный о названиях днепровских порогов

Как известно, Константин Багрянородный, или Порфирородный, (905–959), византийский император, в 9-й главе своего сочинения «Об управлении империи» (*De administrando imperio*), написанном, по-видимому, около 950 года, дает названия днепровских порогов на двух языках: «по-русски» и «по-славянски».

Его данные были использованы уже давно в споре о происхождении Руси между норманистами и антинорманистами. Норманисты считают его данные неопровержимым доказательством того, что под «Русью» он подразумевал скандинавов, а под «славянами» – русских в современном понимании этого слова.

В их представлении, «русский» и «славянский» языки Багрянородного были совершенно разными языками, что и доказывается анализом названий порогов. Этот анализ был произведен профессором В. Томсеном, датским ученым, в 1877 году и с тех пор остается непоколебимой твердыней норманизма (см. Dr. Vilhelm Thomsen, 1877, *The Relations between Ancient Russia and Scandinavia and the Origin of the Russian State*. Oxford and London, 1—150).

Хотя антинорманисты и сделали ряд возражений, но не выставили ни одной работы, которую можно было бы противопоставить работе Томсена.

На деле, как мы увидим ниже, аргументы норманистов далеко не так сильны, как это кажется, и данные Багрянородного могут быть истолкованы иначе и не прибегая к натяжкам, как это сделал Томсен.

Прежде чем перейти к изложению и комментированию данных Багрянородного, следует сказать несколько слов об оригинале сочинения Багрянородного. Сколько нам известно, имеется две рукописи, писанных по-гречески и слегка отличающихся друг от друга. Печатных изданий гораздо больше, причем редакторы их местами значительно расходятся друг с другом, «исправляя» греческий оригинал; естественно, что расходятся и их латинские переводы.

Насколько существенны расхождения, видно из того, что, говоря об отношениях славян к россам, один редактор и переводчик считает их «*foederati*», т. е. союзниками, членами одной федерации, другой же «*tributarii*», т. е. данниками. Для нас эта разница чрезвычайно существенна и важна.

Мы пользовались сочинением «*Imperium orientale sive antiquitates constantinopolitanae in quatuor partes distributae: quae ex variis scriptorum graecorum operibus et praesertim ineditis adornatae, Commentariis et Geographicis, Topographicis, aliisque quam plurimis monumentorum ac nomismatum tabellis illustrantur, et ad intelligentiam cum sacrae tum profanae historiae apprime conductunt*.

Opera et studio Domni Anselmi Banduri Ragusini, Presbyteri ac Monachi Benedictini e Congregatione Melitensi. Tomus primus. Venetiis. Ex Typographia Bartholomei Javarina. MDCCXXIX» – «Восточная империя, или Древности константинопольские, на четыре части разделенные: каковые древности собраны из различных трудов греческих авторов, прежде всего, неизданных; снабжены комментариями географическими, топографическими и прочими, а также множеством изображений памятников и монет, и предназначены исключительно для постижения истории, как сакральной, так и профанной.

Деяниями и тщанием Ансельма из Рагузы, пресвитера и бенедиктинского монаха из Мальтийской конгрегации. – Том первый. – Венеция, 1729» (*лат.*) текст: 45—127 комментарий 17–77, in folio.

Итак, следует отметить, прежде всего, что: единого чтения сочинения Багрянородного нет, есть две «оригинальных» рукописи, в деталях несколько отличные, 2) печатные издания из-за различного толкования переводчиков местами значительно расходятся друг от друга, 3)

нет русского перевода, который указал бы на все разногласия и тем дал бы возможность учесть все возможности при расшифровке интересующих нас мест, 4) сделанные до сих пор переводы были переводами «вообще», когда переводчик особенно не углублялся в суть, на самом же деле нужна кооперация историка-исследователя с переводчиком-филологом.

Таким образом, историки пользовались не совсем безупречными переводами, мы подчеркиваем необходимость критического перевода сочинения Багрянородного.

Порогов, как считает большинство, было семь, хотя некоторые из них растянуты и один мог считаться за два (отсюда и расхождение в цифрах у некоторых авторов). В настоящее время все они залиты водой от плотины Днепровской электростанции.

I. Первый порог с севера на юг назывался в недавнее время Старо-Койдацким или Кодацким – название, явно не связанное с названием Багрянородного.

По последнему, первый порог назывался «Эссупи», «**что по-русски и по-славянски**, говорит он, значит “не спи”». Это указание является указанием кардинальной важности.

Прежде всего, оно дает представление о степени искаженности названий: «не спи» превратилось в «эссупи», т. е. «н» вовсе утратилось, «с» удвоилось, «у» добавилось в середине слова, значит, и в других названиях можно ожидать подобного же, что и подтверждается (см. ниже).

Во-вторых, что особенно важно, этот порог не только назывался одинаково на обоих языках, но и **значил одно и то же**.

Конечно, в двух совсем разных языках могут быть одинаковые слова (но означающие совсем разное), либо означающие одно и то же, но заимствованные из третьего языка, но одинаковой фразы, т. е. и одинаковой грамматики, быть не может. Если в двух языках выражение «не спи» одинаково – это значит, что языки эти одной семьи, очень близки друг к другу, а скорее всего, это только наречия.

Поэтому весь текст Багрянородного следует рассматривать совсем с другой точки зрения: «русский» и «славянский» языки Багрянородного вовсе не скандинавский и русский, а **два наречия славянского языка**. Одно – новгородское («славянское» Багрянородного), другое – киевское («русское» Багрянородного). Существовали, очевидно, две системы названий порогов, новгородская и киевская, некоторые названия были одинаковы, например, первого порога, другие отличались. Две обособленные славянские области, пользовавшиеся днепровским путем, имели и две системы названий.

Мы высказываем это предположение здесь, чтобы все дальнейшее могло быть учтено и под этим углом зрения, и таким образом сразу сравнивать вероятность норманистской и нашей гипотезы.

Как же объясняют норманисты то, что первый из порогов назывался одинаково на обоих языках? Томсен считает, что если есть налицо одно название, и именно явно славянское, то другое (очевидно, скандинавское), надо полагать, утрачено. Конечно, в этом предположении нет ничего невероятного, но слишком уж часто авторы, коль скоро **они** не понимают текста, тотчас же предполагают какой-то пропуск. Поэтому предположение Томсена уже теоретически является малоубедительным. А практически все построение фразы является безупречным и нет ни малейшего следа искажения ее. Если бы «русское» название было бы пропущенным, то построение фразы было бы непременно иным, а именно фраза была бы построена по типу всех других в отношении остальных порогов. Именно было бы **противоположение**: по-«русски», мол, так, а по-«славянски» – «не спи».

На деле никакого противоположения нет, ибо и название порога, и значение названия **одно и то же** в обоих языках. Багрянородный приводит только одно название, не потому что «русское» было пропущено, а потому что оно было единственным.

Томсен предполагает, что выпавшее скандинавское название звучало по-старонорвежски как-нибудь вроде «*sof eigi*» или «*soffatu*», оговариваясь: «*if it had the same form and signification as the Slavonic*» – «если оно имело ту же форму и значение, что и славянское» (*англ.*). Эта оговорка совершенно недопустима, ибо она ставит под сомнение прямое и недвусмысленное указание оригинала. Это значит, что Томсен хочет навязать оригиналу свое мнение, а не создать мнение, следуя оригиналу, его интересуют не поиски истины, а непременно доказательства, что «руссы» были скандинавами.

Третий вывод: пороги в древности носили не столько названия, сколько клички, что и отражено очень хорошо в названии – «Не спи!». Пороги, согласно мировоззрению того времени, персонифицировались – для человека того времени четвертый порог был не Ненасыщенный порог, а «Ненасытен»; это мы, материалисты, обезличили пороги. Этого обстоятельства не следует упускать из виду.

II. Второй порог назывался недавно Лоханским, точнее, «Лохань», очевидно, из-за сходства с лоханью.

Этот порог, согласно Багрянородному, назывался по-«русски» «*Ulborsi*» (перевода названия Багрянородный не дает). Так как в греческом буквы «в» не было, то ее функцию часто выполняла буква «б» как близко созвучная; поэтому название порога можно предполагать и «*Ulvorsi*», чего не следует выпускать из виду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.